

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 49 ДЕКАБРЬ 1973

МИССИЯ МИРА И ДРУЖБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2422)

1 ДЕКАБРЯ 1973

Л. И. БРЕЖНЕВ: «...Дружба великих народов Советского Союза и Индии имеет ныне немалое значение для мира и безопасности в Азии и во всем мире».

И. ГАНДИ: «Советский Союз пользовался нашим уважением и вызывает у нас восхищение с первых дней своего существования».

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА.

МИССИЯ МИРА

Дели. 26 ноября состоялась дружественная беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Премьер-Министром Индии Индирой Ганди.

И ДРУЖБЫ

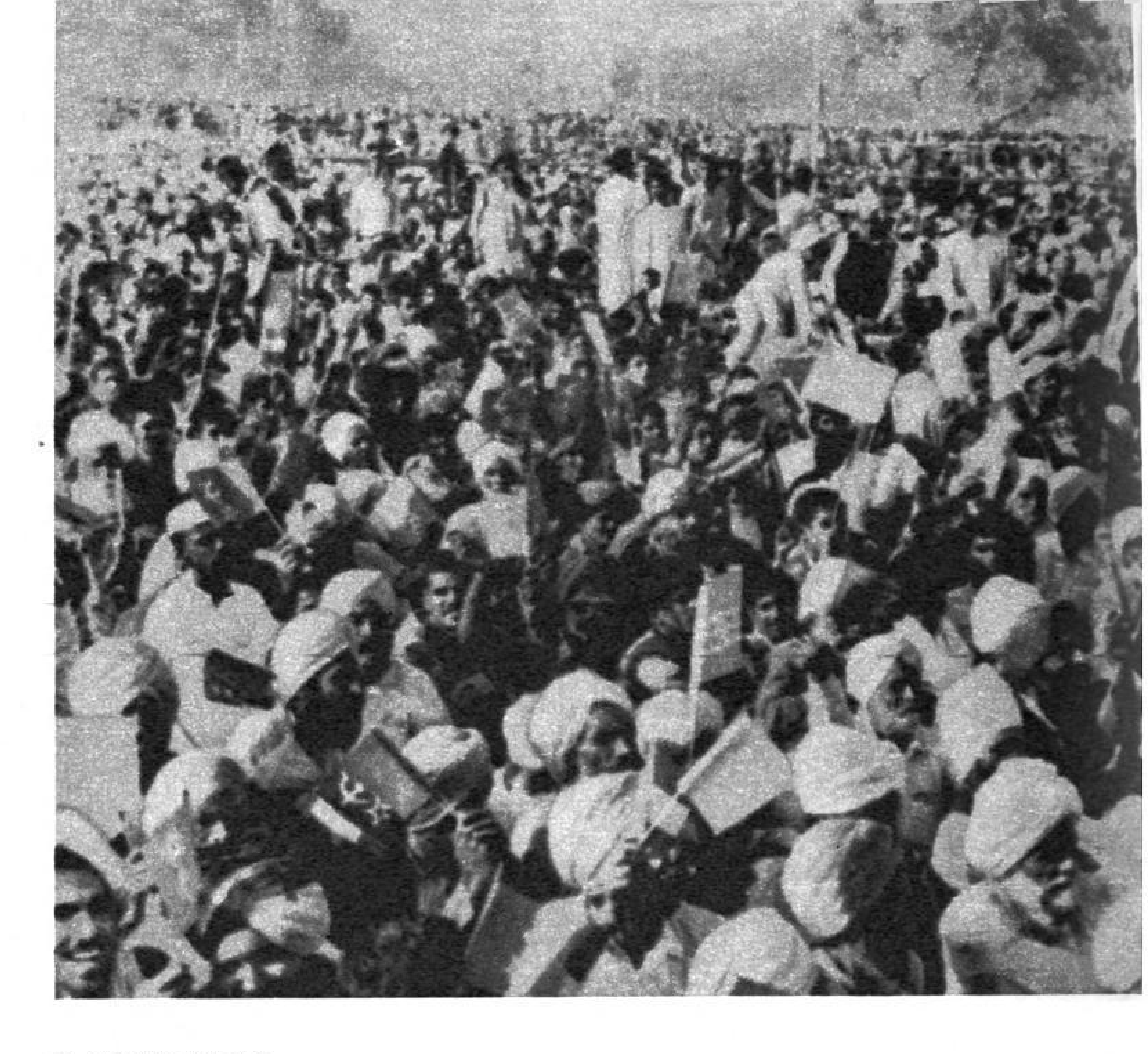
Переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Премьер-Министром Индии Индирой Ганди.

25 ноября из Москвы в Дели с официальным дружественным визитом по приглашению Премьер-Министра Индии И. Ганди отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

В поездке товарища Л. И. Брежнева сопровождают член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, а также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, посол СССР В. Ф. Мальцев, ре-

Дели. 27 ноября. На площади у Красного Форта состоялся массовый митинг индийско-советской дружбы.

ферент Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

На Внуковском аэродроме товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, В. В. Кузнецов, Г. С. Павлов, К. В. Русаков, К. У. Черненко, Г. Э. Цуканов, кандидат в члены ЦК КПСС С. К. Цвигун, член Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. К. Цинев, первый заместитель председателя Госплана СССР В. Д. Лебедев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Голиков, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин.

Среди провожавших находились временный поверенный в делах Индии в Советском Союзе П. Синай, дипломатический состав посольства Индии в Москве.

На следующий день, 26 ноября, после остановки в Ташкенте товарищ Л. И. Брежнев прибыл в Дели.

На аэродроме Палам, украшенном государственными флагами СССР и Республики Индии, приветственными транспарантами, Л. И. Брежнева встречали Премьер-Министр Индии Индира Ганди, министр иностранных дел Сваран Сингх, министр продовольствия и сельского хозяйства Фахруддин Али Ахмед, министр финансов Я. Б. Чаван, министр обороны Джагдживан Рам, министр промышленного развития, науки и техники Ч. Субраманиам, министр планирования Д. П. Дхар, министр нефтехимической промышленности Д. К. Баруа, начальники штабов трех видов вооруженных сил, члены общенационального комитета по организации встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во главе с председателем партии Индийский национальный конгресс Ш. Д. Шармой, Председатель Национального совета Компартии Индии Ш. А. Данге, Генеральный секретарь Национального совета КПИ Раджешвара Рао, депутаты парламента, видные общественные деятели Индии, члены дипломатического корпуса.

С приветственной речью обращается Премьер-Министр Индира Ганди. С ответной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

В тот же день начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Премьер-Министром Индии Индирой Ганди.

26 ноября Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди дала в президентском дворце обед в честь Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Премьер-Министр Индира Ганди и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев обменялись на обеде речами.

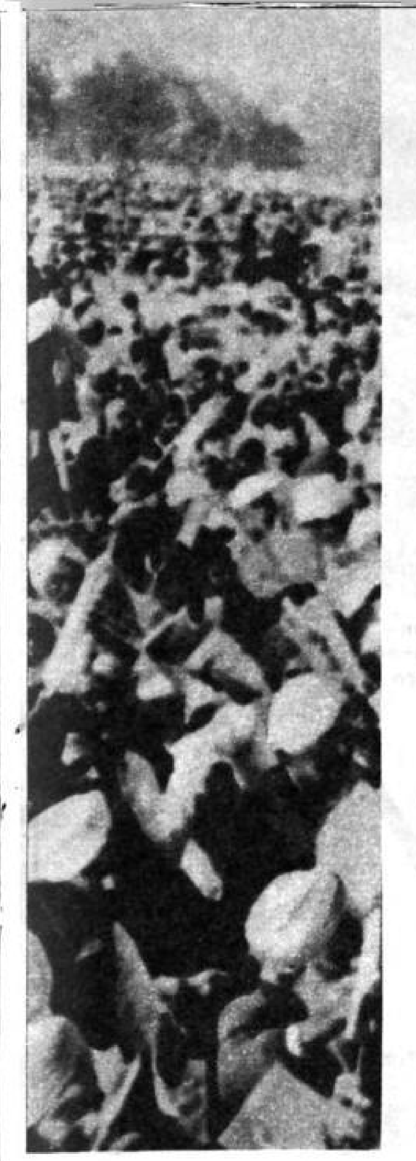
Советско-индийская дружба выдержала испытание временем. У нее богатые традиции, хорошее настоящее и еще более прекрасное будущее. Эту мысль подчеркивают индийские газеты в эти дни.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ИНДИЯ О

Расти дереву советско-индийской дружбы!

ТКРЫЛА СВОЕ СЕРДЦЕ

В Дели — столице Республики Индии — царит радостное возбуждение. Город приветствует Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В пестрый и яркий облик Дели органично вплелись сотни, если не тысячи, приветственных лозунгов, портретов Л. И. Брежнева и плакатов, на которых он изображен вместе с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди. Газеты и журналы публикуют много статей о визите, о дружбе, сотрудничестве между Индией и Советским Союзом. По всей стране проходят многотысячные митинги, участники которых выражают свою радость и одобрение в связи с визитом Л. И. Брежнева. Столица Индии и вся страна ожидали Л. И. Брежнева как верного друга, как посланца великой дружественной державы.

Премьер-Министр Индира Ганди заявила накануне визита группе советских журналистов: «Мы будем иметь честь и будем рады приветствовать Леонида Ильича Брежнева в нашей стране. Он приезжал сюда и раньше, и многие наши руководители бывали в Советском Союзе. Наш народ знает его как выдающегося руководителя великой страны. Мы восхищаемся его высокими личными качествами, его созидательной деятельностью в своей стране и его упорной работой по укреплению мира во всем мире. Мы с уважением и одобрением следили за его недавними шагами, предпринятыми на благо мира. Мы желаем ему дальнейших успехов в этой работе. Его визит даст возможность моим коллегам и мне узнать больше о последних достижениях Советского Союза. Народ Индии сможет подчеркнуть, какое большое значение он придает советско-индийской дружбе и с каким уважением он относится к Леониду Ильичу Брежневу, к другим руководителям Советского Союза и советскому народу».

В Индии создан общенациональный комитет по организации встречи Л. И. Брежнева. В его состав вошли представители различных политических партий, профсоюзных, молодежных, женских организаций. В числе членов комитета главные министры нескольких штатов, видные политические и общественные деятели. С одним из них — с председателем Национального совета Коммунистической партии Индии Ш. А. Данге — я встретился в штаб-квартире партии.

Ш. А. Данге назвал визит Л. И. Брежнева историческим и отметил тот огромный энтузиазм, который он вызвал в Индии. Вслед за этим выдающийся ветеран коммунистического движения вспомнил о В. И. Ленине и о том большом внимании, которое он оказывал освободительной борьбе индийского народа. С чувством благодарности Ш. А. Данге говорил о значительной помощи, оказываемой Индии нашей страной. «Визит Леонида Ильича Брежнева,— сказал Данге,— является закономерным для развития давней доброй традиции, дружбы между народами Индии и Советского Союза». Данге отметил успехи Программы мира, принятой на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза, и личный вклад Л. И. Брежнева в ее осуществление. Он также подчеркнул, что этот визит имеет огромное значение не только для Индии, но и для других стран Азии, для осуществления идей коллективной безопасности на этом огромном континенте. Вспомнились слова, сказанные на днях Индирой Ганди: «Индийско-советские отношения, к счастью, всегда были хорошими, а сегодня они лучше, чем когда бы то ни было».

С необычайной силой эта истина была вновь подтверждена уже в день визита Л. И. Брежнева в Дели. Толпы горожан приветствовали Л. И. Брежнева на всем пути его следования. Невозможно было без волнения наблюдать бесчисленные сцены выражения добрых чувств по отношению к Л. И. Брежневу горожан, запрудивших улицы и площади. Нас, советских журналистов, следовавших в длинном кортеже автомашин, переполняло чувство гордости за нашу Родину, за советский народ, за великую Программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС и столь настойчиво и успешно осуществляемую на практике.

После прибытия в резиденцию и недолгого пребывания там Л. И. Брежнев отдал дань уважения великим сынам индийского народа, возложил венки к месту кремации Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру и Лал Бахадура Шастри. С деятельностью этих трех выдающихся национальных героев связана трудная и славная история победы за независимость страны. Советские люди, так же как граждане Индии, свято чтут их имена. Вот почему эта церемония была воспринята здесь как выражение братских чувств со стороны советского народа. Состоялась также церемония посадки дерева дружбы, имеющая глубокое символическое значение. Здесь еще раз хочется привести слова Индиры Ганди по поводу отношений между нашими странами: «Дружба подобна хорошему саду...» Пусть этот прекрасный сад дает больше зелени, больше цветов и плодов!

Горячее одобрение, с которым общественность страны относится к визиту Л. И. Брежнева, было еще и еще раз ярко продемонстрировано во время массового митинга, который состоялся 27 ноября в Красном Форте. Даже огромный внутренний двор Форта не смог бы вместить всех желающих приветствовать Л. И. Брежнева. Поэтому было решено провести митинг у стен Цитадели, где могут разместиться сотни тысяч людей. И они пришли, эти сотни тысяч, задолго до прибытия высокого гостя. Пришли жители Дели и посланцы всех штатов Индии, специально делегированные в столицу по этому случаю. Древняя столица до сих пор не видела такой многочисленной демонстрации в честь гостя из-за рубежа. Яркая и содержательная речь Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и не раз прерывалась аплодисментами и приветственными возгласами. У стен старинной Цитадели молодая независимая Индия открыла свое сердце Л. И. Брежневу, посланцу братской страны.

г. Дели, ноябрь. (По телефону.)

С. Ф. МЕДУНОВ,
депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС

Николай Александрович Макаров — управляющий вторым отделением Адыгейского рисоовощного совхоза.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

РУССКИЙ

Может быть, словосочетание «русский рис» еще вчера показалось бы столь же необычным, как некогда «русский чай». Но сегодня высоких качеств русского краснодарского чая не оспаривает ни один чаевод мира, а Кубань стала поистине рисовой житницей России: Краснодарский край дает две трети всего риса, собираемого на полях РСФСР.

Кубанские земледельцы еще лет сто назад пытались возделывать рис. Вернувшись из Персидского похода, среди прочих трофеев казаки привезли на родину и непривычный злак, названный ими «сарацинским просом». Да только никто не ведал, как выращивать то зерно. Пробовали сеять, как свою родную гарновку,— ничего не вышло: не прижилась «сарацинка». И махнули на нее рукой казаки.

Только с тридцатых годов нашего века начинается настоящая история русского риса. В 1929 году Совет Труда и Обороны принял решение об освоении кубанских плавней. Во главе нового дела стал герой гражданской войны, легендарный командир Стальной дивизии Д. П. Жлоба. Были созданы первые рисоводческие совхозы Тиховский, Черкесский, Красноармейский, расширились посевы риса, развернулось строительство гидротехнических сооружений. Методом народной стройки перед войной сооружено Тщикское водохранилище, в стадии завершения было и Шапсугское, когда работы прервала война.

В канун Великой Отечественной войны рисовые плантации Кубани занимали уже более 12 тысяч гектаров. Фашистские оккупанты разрушили почти все гидротехнические сооружения, практически уничтожили рисовое хозяйство края. Только к 1951 году посевные площади риса удалось довести до предвоенного уровня.

В последние двадцать лет темпы развития рисосеяния в крае неизмеримо возросли. Развернулось гидротехническое строительство, началось планомерное зарегулирование стока Кубани и рек ее бассейна. В 1952 году вступает в строй Шапсугское водохранилище, а в первые годы девятой пятилетки сдаются в эксплуатацию Варнавинское и Крюковское водохранилища, завершается сооружение Федоровского гидроузла. Создаются сложные инженерные рисовые системы: Кубанская, Петровско-Анастасиевская, Марьяно-Чебургольская и Афипская. Наступление на плавни приобретает новый размах: чек за чеком, карту за картой получают от гидростроителей рисоводы на новых инженерных системах — Федоровской, Темрюкской, Понуро-Калининской, Приазовской. К 1973 году площади рисовых плантаций уже в 10 раз превышают уровень предвоенного года, а производство белого зерна достигает полумиллиона тонн в год.

Как известно, на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев поставил задачу «к концу пятилетки довести производство риса до 2 миллионов тонн, что позволит полностью удовлетворить потребности страны». Сегодня мы с гордостью отмечаем, что кубанские рисоводы с честью выполняют задание партии: русский рис уже составляет четвертую часть в общегосударственных объемах его производства.

Такой стремительный выход Кубани на рубеж ведущей рисовой житницы России стал возможен благодаря самоотверженной работе всех трудящихся края при огромной помощи и постоянном внимании со стороны партии, правительства и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

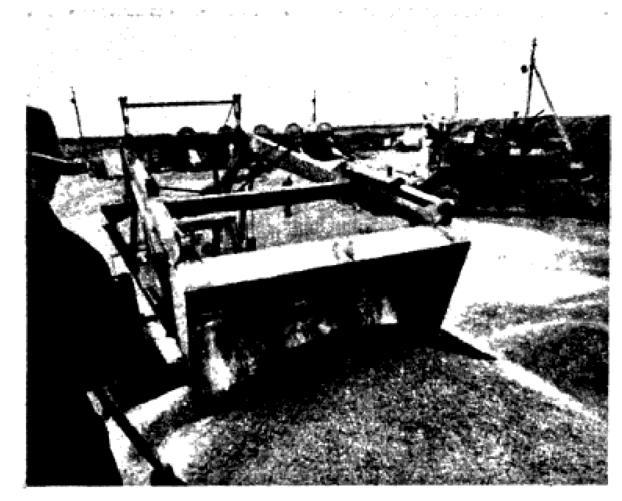
После майского (1966 год) Пленума ЦК КПСС, разработавшего обширный план мероприятий по мелиорации земель, в Краснодарском крае только за годы восьмой пятилетки темпы водохозяйственного строительства возросли в два с половиной раза. Государство ассигновало на эти цели четверть миллиарда рублей. Это позволило в течение пяти лет построить и ввести в эксплуатацию 84 тысячи гектаров орошаемых земель, в том числе 40 тысяч — рисовых, удвоить производство риса.

Новым замечательным проявлением отеческой заботы партии и правительства о дальнейшем развитии рисоводства на Кубани явилось решение о строительстве Краснодарского водохранилища — крупнейшего искусственного водоема на Северном Кавказе: оно соберет более трех миллиардов кубометров воды. Это рукотворное море народ с гордостью назвал Кубанским. Сооружение его началось в год пятидесятилетия Великого Октября, а в минувшем году оно приняло в свою чашу первые полмиллиарда кубометров живительной влаги и сразу же начало работать на урожай.

Кубанская земля не без основания считается плодородной. Но это совсем не значит, что здесь, как говорится, посади оглоблю — вырастет тарантас. Нет, легкого хлеба нигде не бывает. Труден он и на Кубани. Для того, чтобы получить высокий урожай, требуются большие усилия ученых, специалистов, опытнейших хлеборобов, оснащенных передовой техникой. И чем выше намечаемые рубежи, тем собраннее и организованнее должна идти работа, тем мощнее должна быть материальная база интенсификации сельского хозяйства. Только путем повышения уровня хозяйствования, дальнейшей механизации, химизации земледелия и мелиорации полей можно придать нашему сельскому хозяйству динамичный и устойчивый характер, последовательно и все надежнее ограждая его от стихийных ударов сил природы.

Развитие орошения и прежде всего дальнейший подъем производства риса — это в условиях Кубани не только важнейший фактор интенсификации сельского хозяйства, но и ог-

На совхозном току.

РИС

ромный резерв увеличения производства зерна.

История мирового рисосеяния насчитывает несколько тысяч лет, биография русского риса укладывается в несколько десятилетий. Но благодаря заботам партии и правительства, самоотверженному труду кубанские рисоводы достигли значительных успехов. Они, например, впервые в мире применили в рисосеянии такие новинки, как особая поливная карта, карты-чеки с широким фронтом затопления и сброса и т. д. Кубанские селекционеры вывели новые сорта риса, которые сейчас занимают две трети всех рисовых полей СССР. Русский рис по многим пищевым характеристикам превосходит лучшие мировые сорта. А благодаря довольно высокому уровню механизации и передовой технологии, кубанский рис самый дешевый в стране.

Гость наших рисоводов, узбекский колхозник, ознакомившись с работой своих коллег, сказал: «К вашему рису рука человека впервые прикасается только тогда, когда начинают готовить плов!» Пусть это шутка, но за нею истина: действительно, все процессы работы рисовода механизированы — от сева до жатвы и обработки зерна. Именно механизация и дает высокий экономический эффект.

По погодным условиям нынешнего года в ряде хозяйств созревание риса запоздало. К уборке пришлось приступить при 80—90 процентах полной спелости метелок. Но, несмотря на трудности, кубанские рисоводы жатву провели дружно, уверенно и организованно. На помощь им пришла техника и опытные механизаторы из районов, где не возделывают риса. Работы велись в две смены. За комбайнами шли люди, разравнивали валки, подбирали метелки, что позволило повысить качество обмолота, свести до минимума потери и вести сразу второй обмолот.

Благодаря этому даже в сложных условиях с каждого из 115 тысяч гектаров было намолочено по 46,2 центнера зерна, валовой сбор его превысил полмиллиона тонн, а продажа государству составила 315 тысяч тонн. В передовых хозяйствах успехи еще значительнее. Так, ордена Трудового Красного Знамени рисосовхоз «Красноармейский», которым руководит Герой Социалистического Труда А. И. Майстренко, на площади почти в шесть тысяч гектаров получил средний урожай более 60 центнеров с гектара. А звено Владимира Нестеровича Гаврилова сняло в среднем по семьдесят центнеров с каждого из 320 гектаров.

В совхозе «Красноармейский» трудятся мастера своего дела, и успехи их стабильны. Но и многие другие хозяйства не уступают им. По семьдесят центнеров риса с гектара сняло в этом году звено В. А. Колесникова из колхоза «Искра», Абинского района, а весь этот район с уборочной площади 13 тысяч 200 гектаров взял в среднем по 53,8 центнера с гектара. Колхозы «Россия», «Искра», имени Кирова вплотную подошли к рубежу 55 центнеров с гектара. Опыт возделывания риса на Кубани показал высокую экономическую эффективность этой отрасли: капитальные вложения в создание рисовых систем окупаются за 5—6 лет, а потом начинают приносить большую прибыль.

В крае сложилась мощная строительная и проектная база, способная решать задачи крупного масштаба. Только в системе Главкубаньрисстроя пять трестов, в которых трудится почти 30 тысяч гидростроителей. Ведется широкая подготовка кадров рисоводов. Ученые Всесоюзного научно-исследовательского института риса работают над выведением новых, более скороспелых и устойчивых к полеганию сортов риса с урожайностью 80 и более центнеров с гектара, над совершенствованием агротехники и технологии возделывания этой культуры.

Районы рисосеяния превращаются в зону высокой культуры сельскохозяйственного производства: образцовый порядок во всех агротехнических мероприятиях, наилучшая организация труда, благоустроенные поселки со всеми культурно-бытовыми службами, хорошие дороги, дворцы культуры, дома отдыха.

В Адыгейском рисоовощном совхозе.

Рисовые плантации не только приносят богатый урожай, но и преображают землю: заболоченные и засоленные участки превращают в плодородные нивы. Поэтому развитие рисосеяния в крае осуществляется в основном путем освоения именно таких земель, малопригодных или непригодных для возделывания других культур. На строящихся и намечаемых к строительству рисовых системах «бросовые» участки займут более 60 процентов площадей, что позволит решить и такую животрепещущую проблему, как дальнейшее расширение сельскохозяйственных угодий, вовлечение в севооборот некогда бесперспективных десятков тысяч гектаров земли.

Если от этих слов на кого-либо дохнет сухим рационализмом и, может быть, излишним практицизмом, то пусть прочитают путевые очерки Глеба Успенского, побывавшего здесь в 80-х годах прошлого столетия и, что называется, сраженного унылым, мертвящим морем болот и камышовых зарослей в «малярийном царстве» приазовских плавней. И это царство не так-то просто было победить. Даже какой-то десяток лет назад места эти были камышово-болотными дебрями, в которых гнездилась дичь да бродили дикие кабаны. Еще и сегодня есть такие участки глухомани, что их и с вертолета не проглядишь. Но завтра они будут побеждены. И побеждены не варварским насилием над природой, а преобразующей силой и красотой созидания. В «гиблых», по выражению Успенского, местах раскинется изумрудный ковер рисовых плантаций, живописно и ослепительно сверкающий голубыми линиями каналов, зеркалами озер и водоемов, в которых пойдут гулять косяки рыбы, а в синем южном небе над ними поплывут чайки.

Это не лирическая фантазия. Это уже есть! Приезжайте и посмотрите сами.

Наступление на плавни продолжается. К 1975 году закончатся все работы на Кубанском море, войдут в строй все его сооружения, в том числе и два рыборазводных осетрово-рыбцово-шемайных завода,— они будут давать 12 миллионов мальков осетра и 140 миллионов мальков рыбца и шемаи в год.

Наши ученые, проектировщики, специалисты по совету Леонида Ильича Брежнева тщательно изучают возможности сооружения уже в 1980 году новых инженерных оросительных систем на площади 250 тысяч гектаров, в том числе 100 тысяч гектаров для возделывания риса на плавневых землях Приазовья. А это позволит уже в ближайшем будущем удвоить производство риса.

Накануне 55-й годовщины Великого Октября, когда было перекрыто русло Кубани и началось заполнение Кубанского моря, ЦК КПСС и Совет Министров СССР направили краснодарцам приветственное письмо, в котором были и такие строки:

«...Строители края выполнили большой комплекс работ и в канун 55-й годовщины Великого Октября, на год раньше установленного срока, перекрыли реку Кубань, создали условия для наполнения Краснодарского водохранилища в весенний паводок 1973 года. Сооружение этого крупнейшего водохранилища позволяет значительно расширить производство риса и других сельскохозяйственных культур на Кубани.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР выражают уверенность, что трудящиеся Кубани и впредь не пожалеют усилий для практического осуществления широкой программы развития мелиорации земель, для повышения эффективности всего сельскохозяйственного производства».

Эти слова — выражение большого доверия партии и правительства, всего советского народа. Трудящиеся Краснодарского края в этом году еще раз доказали, что ни коварство стихии, ни неблагоприятные природные условия не страшны для тех, кто работает от души, с огоньком, отдавая всего себя общему делу.

Планы у кубанских рисоводов большие. Но они реальны, потому что для их осуществления у нас есть прочная материальная база, накоплен богатый опыт, а в сердцах тружеников края все ярче горит огонь, зажженный Всесоюзным социалистическим соревнованием третьего, решающего года пятилетки.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

СТО ЛЕТ ВМЕ

К. КАМАЛОВ,
первый секретарь Каракалпакского обкома КП Узбекистана

5 ДЕКАБРЯ НАШ НАРОД ОТМЕЧАЕТ ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР. Советская Конституция пронизана идеями интернационализма, дружбы и братства народов, она обеспечивает равенство наций и рас во всех областях политической, экономический и культурной жизни. И в День Конституции СССР представитель любого народа нашей Родины может заявить: «Все, чего достигли мы за годы Советской власти,— это плоды братства и взаимопомощи всех наших республик, всех наших народов, это торжество Советской Конституции!»

Лучшие люди страны еще в далеком прошлом, когда о грядущей дружбе наций можно было только мечтать, предвидели, какую великую силу явит собой эта дружба. Ныне судьба каждого из народов, населяющих Советскую страну, служит ярчайшим примером плодотворности ленинской национальной политики, закрепленной в Конституции СССР.

С вечных льдов Памира к голубому Аральскому морю стремится Амударья. Легенда говорит, что она издавна стойко отражала натиск трех огнедышащих драконов, имена которых Каракумы, Кызылкумы и Устюрт. Амударья спасала от них и прекрасный цветущий остров — Каракалпакию. Здесь жили многострадальные и мужественные люди, пронесшие сквозь тьму веков несгибаемую волю к свободе и свету. Это каракалпакский народ. Сто лет назад Каракалпакия добровольно присоединилась к России.

О прошлом и настоящем Каракалпакской АССР рассказывает Первый секретарь Каракалпакского обкома Коммунистической партии Узбекистана Каллибек Камалович Камалов.

ВОПРОС: Каллибек Камалович, при каких обстоятельствах произошло присоединение Каракалпакии к России, и чем оно было вызвано?

ОТВЕТ: Тяга каракалпаков к России — это историческая закономерность. Совершим небольшой экскурс в далекое прошлое.

Историки часто сравнивают наших предков с травой перекати-поле. Гонимые нуждой, скитались они по свету — Приаралье, Поволжье, Урал, Причерноморские степи... «Каракалпак» в переводе на русский означает «черная шапка».

В X веке «черные клобуки», по свидетельству русских летописей, ходили в походы с князем Игорем. Ипатьевская летопись сохранила слова их клятвы князю: «Мы умираем за русскую землю, за твою честь!»

После монгольского нашествия часть каракалпаков вернулась на свои исконные земли, в восточное и южное Приаралье, другая часть влилась в состав русского народа. Жизнь на берегах Аральского моря была несладкой, полной борьбы и с суровой природой и с иноплеменными угнетателями. Стремление к единению с Россией нарастало, оно усилилось еще более, когда большинство каракалпаков попало в подчинение к Хивинскому ханству. Истомленное войнами, ханскими поборами, доведенное до крайней степени нужды и лишений население Каракалпакии видело единственное спасение в присоединении к России. Договор 1873 года о присоединении осуществил многовековую мечту народа. Несмотря на жестокий колониальный режим, установленный царизмом, присоединение имело, однако, большое значение. По берегу Амударьи расположились русские войска, защищая каракалпаков от нашествий. Стали интенсивно развиваться производительные силы края. В Каракалпакии появились русские поселенцы, затем политические ссыльные. Они создали школу, распространяли переведенные на каракалпакский язык стихи Пушкина и прокламации. В 1912 году жандармы докладывали в вышестоящие инстанции, что в Каракалпакии найдена большевистская газета «Правда». В октябре 1917 года здесь возникли первые большевистские ячейки. Революция победила у нас в декабре 1917 года. На правом берегу Амударьи была установлена Советская власть. На левом же берегу сосредоточились контрреволюционные силы, опиравшиеся на Хивинское ханство, которое пало в 1919 году.

И только после Великого Октября для каракалпаков началась подлинно счастливая жизнь. Российская Федерация оказала Каракалпакии дружескую помощь сразу же после победы Советской власти. Шефство над нами взял Дзержинский район Москвы. Трудящиеся столицы подготовили для нас специалистов, создали мастерские для ремонта техники. Наши рабочие стажировались на московском заводе «Калибр». Москвичи помогали нам устанавливать оборудование на промышленных предприятиях и МТС, участвовали в строительстве канала Хыжгиткель.

В засушливом 1921 году трудящиеся Каракалпакии откликнулись на призыв В. И. Ленина оказать помощь голодающим Поволжья и Приуралья. Голодающим отправили 20 миллионов рублей, 280 тысяч пудов рыбы и тысячу пудов хлеба.

ВОПРОС: Какие изменения произошли в республике за годы Советской власти?

ОТВЕТ: Народ Каракалпакии за годы Советской власти осуществил гигантский скачок от патриархально-феодального строя к социализму. Сейчас, когда каждый третий житель республики учится, когда в процентном соотношении у нас вдвое больше студентов, нежели, скажем, в ФРГ, трудно представить, что до революции грамотные здесь составляли всего 0,2 процента. Теперь в Каракалпакии трудятся сотни ученых, в том числе 290 докторов и кандидатов наук.

За годы Советской власти промышленное производство в республике возросло в 218 раз. Заново созданы или полностью реконструированы энергетическая, хлопкоочистительная, маслобойная, рыбоконсервная, металлообрабатывающая, полиграфическая и другие отрасли, за последние двадцать лет производство электроэнергии увеличилось в сто раз. Мачты Тахиаташской ГРЭС, которую называют станцией Дружбы народов, несут энергию во все уголки Приаралья. Первый каракалпакский природный газ поступает в магистральный газопровод Средняя Азия — Центр. Развивается воздушный, автомобильный и речной транспорт.

Каракалпакская АССР в лесах новостроек. Повсюду возводятся промышленные предприятия, ирригационные сооружения, культурно-бытовые объекты, жилые дома. Одна из важнейших строек 9-й пятилетки — Тахиаташский гидроузел с железнодорожными и автодорожными переходами через Амударью. Первую очередь этого гидротехнического сооружения, которая даст возможность оросить десятки тысяч гектаров земли, строители закончили в апреле нынешнего года.

Расцветает новая, социалистическая культура. Свой сорок восьмой сезон открыл в этом году Каракалпакский театр драмы и комедии имени К. С. Станиславского. Популярностью пользуется Государственная филармония имени Бердаха, народный ансамбль «Сорок девушек». В республике много народных театров, клубов и домов культуры, кинотеатров и кинопередвижек, библиотек. Всей стране известно имя нашей певицы народной артистки СССР Аимхан Шамуратовой.

За успехи в социалистическом строительстве и заслуги в укреплении братской дружбы советских народов Каракалпакская АССР награждена орденами Ленина и Дружбы народов. Двадцать два уроженца республики носят высокое звание Героя Социалистического Труда. Среди них человек, которого знают у нас все — и стар и млад. Это ветеран гражданской войны, заслуженный врач Узбекистана Уразымбет Халмуратов. Он так часто вылетает на самолете в районы республики, что его зовут «летающим хирургом».

Образцы героизма явили на фронтах Великой Отечественной войны тысячи наших земляков. Четырнадцати из них присвоено звание Героя Советского Союза. Гвардии рядовой коммунист 23-летний Джуман Каракулов повторил подвиг Александра Матросова.

ВОПРОС: Скажите, пожалуйста, какие нации и народности живут в вашей республике?

ОТВЕТ: Каракалпакия — республика многонациональная. Здесь живут и трудятся каракалпаки и русские, узбеки и казахи, таджики и туркмены, осетины и армяне — всего 88 наций и народностей. Их прочная дружба — яркий пример торжества ленинской национальной политики.

ВОПРОС: При въезде в город Нукус я видел установленный на постаменте трактор. Что это означает?

ОТВЕТ: Этот памятник у любого каракалпака вызывает самые теплые чувства. Это «Путиловец», первый трактор из России. Он не только символизирует братскую дружбу наших народов, но и является символом технической революции в пустыне.

ВОПРОС: Верно ли, что ваша республика — самый северный край в мире, где занимаются выращиванием «белого золота»?

ОТВЕТ: Совершенно верно. Однако, несмотря на относительную суровость климата, хлопок у нас — самая популярная культура. Более того, отношение к хлопку издавна стало у каракалпаков своеобразной мерой добродетелей и добросовестности человека. Это и детям передается. Недавно в одном из детских садов провели устную анкету. Воспитательница по очереди спрашивала каждого из ребят: «Чем ты будешь заниматься, ког-

СТЕ

да вырастешь?» Большинство захотели стать хлопкоробами, а один малыш ответил так: «Буду выращивать хлопок. А если в Каракалпакии не хватит места, то стану космонавтом и засею хлопком всю Луну».

В нынешнем году мы досрочно выполнили государственный план, собрав богатый урожай хлопка — более 340 тысяч тонн, это на 70 тысяч тонн больше, чем в прошлом году. С каждого гектара собрано по 27 центнеров, то есть за год урожайность повысилась почти на 6 центнеров. Хорошо потрудились колхозники во всех одиннадцати районах республики. Особенно отличились Герой Социалистического Труда Амангуль Сапарбаева, Реимбай Абдраимов, Таган Курбаниязов, Илал Асаматдинов, Базар Мамбетмуратова, Сражадин Мамбеткаримов и другие хлопкоробы. Большую помощь в сборе хлопка оказали горожане.

Вторая по значению сельскохозяйственная культура в Каракалпакии — это рис. Половина всего узбекского риса выращивается у нас. Рисоводы в нынешнем году одержали весомую трудовую победу — дали стране 110 тысяч тонн риса. Правофланговые среди рисоводов — Герой Социалистического Труда Уббинияз Бекниязов, Жанлык Азиров, Алексей Кан.

Рабочие Нукусского ремонтного завода имени 50-летия образования СССР Юрий Котельников, сварщик, и Узакберген Танирбергенов, слесарь.

ВОПРОС: С чем республика пришла к своему юбилею и каковы перспективы ее развития?

ОТВЕТ: Трудящиеся республики встретили 100-летие присоединения Каракалпакии к России славными делами. Возьмем для примера один район — Муйнакский. Еще несколько месяцев назад попасть туда можно было только по воздуху. Строители «Каракалпакдорстроя» проложили в полупустыне асфальтированную дорогу, соединившую Муйнак с остальными районами Каракалпакии. По этой дороге уже курсируют автобусы. Немного ранее к Муйнакскому району подвели высоковольтные электрические линии Тахиаташской ГРЭС. Строится здесь и телевизионный ретранслятор, уже состоялся его пробный пуск. Удачно. Кроме того, в Муйнакском районе создается зона отдыха. На берегу Аральского моря, покрытом мягкими песками, не уступающими болгарским «Золотым пескам», построен каракалпакский «Артек»...

Так и в любой другой, даже самый отдаленный уголок республики приходят электричество, автомобильная дорога, телевидение, строятся зоны отдыха. Все это в какой-то степени создает предпосылки и для последующего развития республики.

Значительно возросло по сравнению с прошлым годом поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, птицы. Перевыполнены обязательства по заготовке шелковистых коконов, яиц, шерсти. Увеличена заготовка кормов.

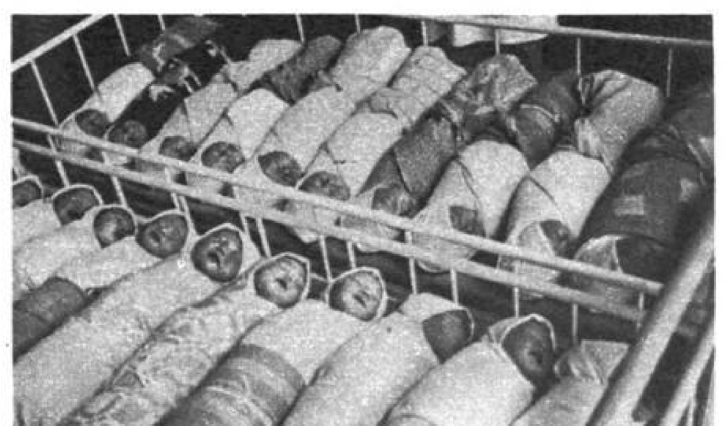
Производство кукурузного зерна повысилось в 4 раза в сравнении с 1972 годом, а урожайность доведена до 55 центнеров с гектара. Некоторые рыбаки в Муйнакском районе работают в счет 10-й пятилетки.

Теперь о перспективах. Вскоре мы поведем широкое наступление на каракалпакскую целину, если ее можно так назвать. Прежде всего предстоит освоить Элликкалинский массив площадью 24 тысячи гектаров. Эллик-Кала — 50 городов — это огромный пустынный массив земель древнего орошения, в прошлом один из цветущих земледельческих районов средневекового Хорезма, подарившего миру могучий гений Аль-Бируни, 1 000-летие со дня рождения которого мы отмечали в сентябре нынешнего года. Разорительные феодальные войны разрушили построенные трудом многих поколений грандиозные ирригационные сооружения, земля превратилась в пустыню. Советские люди возрождают ее. Надлежит также преобразить земли Жабаскалинского и Акшекульского массивов. В двух южных районах республики в будущей пятилетке будет освоено 65—70 тысяч гектаров земель под хлопок. На севере же намечено освоить 40 тысяч гектаров под посевы риса.

Этими планами живет сейчас наша республика. Это наша цель, боевая задача нашей партийной организации. К ее исполнению мы уже приступили. На целинных землях созданы передвижные механизированные колонны. Сеть оросительных каналов все глубже врезается в пустыню. Их роют заботливые и трудолюбивые руки людей разных национальностей. Пески, дышащие жаром, отступают. Отступают перед целеустремленностью и самоотверженным трудом советских людей.

Беседу вел Марат ЦЕБОЕВ.
Фото автора.

Базар Мамбетмуратова работает механизатором на хлопкоуборочной машине.

Будущие хлопкоробы.

Этот первый в республике «Путиловец» вспахал тысячи гектаров каракалпакской земли.

КАРАВАДЖО

Эльвира ПОПОВА

Среди необширных сведений о жизни Караваджо, сбереженных для нас временем, особенно часто встретятся нам упоминания о ссорах и дуэлях. Чем большего достигнет мастер в своем искусстве, тем яростнее станут преследовать его клевета, зависть, злобная брань, непонимание. Трагическая случайность и сам злой рок не раз вмешаются в его судьбу...

Тяжелым было детство. Собственными силами он пробивал дорогу. Ни один человек — даже из родных — не пошевелил пальцем, не истратил ни гроша, чтобы помочь ему. И каждый не жалел пинка, зная, что не встретит защитника. Мальчонка-сирота узнавал начала живописи у миланского мастера Петерцано, потом в Венеции, после в Риме был учеником-подмастерьем живописца Чезари д'Арпино, писал в его картинах цветы и плоды, и никто во всем Риме не сумел бы сделать это лучше него! Но когда талантливый ученик заболел, недобрый учитель выбросил его на улицу. Караваджо попал с тяжелой лихорадкой в госпиталь для бедняков. И там шестнадцати лет от роду будто бы написал свою первую самостоятельную картину — первый автопортрет.

Смуглый, большеглазый юноша, еще подросток, грустно глядит на нас. Робкая улыбка искривила его губы. В белках черных печальных глаз желтизна. Щеки бледны, а им бы спорить румянцем с лежащими на столе персиками. Возвращаясь к жизни, юный художник радуется ее первому сладостному дару — золотистым плодам. Виноград, как теплый прозрачный янтарь, лежит в ладонях, и чудится, что его живительный сок переливается в ослабевшие пальцы. Голова украшена зеленым венком. Народ прозвал эту картину «Больной Вакх». Изумляет совершенство мастерства. Это работа не ученика — зрелого живописца с самостоятельным видением мира. Удивительно верно запечатлены следы болезни, состояние медленного выздоровления. А ведь когда юноша писал свою картину, авторитеты утверждали, что искусству не подобает замечать столь низменные вещи.

Выздоровев, Караваджо работает самостоятельно. У него мастерская во дворце кардинала дель Монте, где впервые в жизни к молодому мастеру относятся с должным почтением. Для музыкального зала во дворце художник написал две картины — «Музыку» и «Лютниста», которого будто сам Караваджо считал своим шедевром. Ныне это полотно хранится в Эрмитаже.

...Вокруг упорно толковали о превосходстве воображения над природой, восторгались изнеженными, обескровленными образами, формалистическими изощрениями в композиции и манерностью художников, которым впоследствии дадут будто таящее насмешку имя — маньеристы. Двадцатилетний Караваджо с вызовом заявил, что единственный идеал живописи — в красоте действительности. Восхищенно, плотно, подробно — хоть тронь рукой — пишет он плоды, цветы, мягкие складки полотняной сорочки, листы альбомов с нотными знаками, трещинки в золотистом дереве лютни, концы струн, завивающиеся на колках. Человек для него так же материален, как вещи. И потому с такой же законченностью, четко, тщательно воспроизводит он черты юного лютниста. Удлиненные глаза под черными дугами бровей, блестящие темно-каштановые локоны над чистым лбом, упругие, округлые, как у девушки, щеки (недаром «Лютниста» до недавнего времени именовали «Девушка с лютней»); полураскрытые яркие губы и дивные, скульптурно выписанные руки музыканта с гибкими, чуткими пальцами, перебирающими струны. Он сгладит все мазки, бдительно уберет следы работы, чтобы всем казалось, что глядят они не на картину — на живое. За эту подчеркнутую подчиненность натуре, радостную приверженность ей художника назовут натуралистом и долго будут повторять понравившееся словцо. Уже о мертвом. Мол, вернув искусству живописи к простоте и обратив к жизни народа, не смог он, Караваджо, шагнуть далее примитивной, внешней, загрубелой стороны народного быта. Его назовут «великим подражателем природы», но «без красивости и без нежности колорита». И, однако, не перестанут спорить о нем три с половиной столетия, словно против воли притягиваемые магией правды, живущей в его картинах.

Покинув мастерскую Чезари д'Арпино, как говорит живописец-маньерист Беллори, «он стал писать, следуя своему собственному гению, не питая никакого уважения к превосходнейшим античным мраморам и к столь прославленной живописи Рафаэля, наоборот, презирая их... Когда ему показали знаменитейшие статуи Фидия и Гликона, чтобы он воспользовался ими для изучения, он, протянув руку и указав на толпу, ответил только, что для мастеров достаточно натуры. И, чтобы придать убедительность своим словам, он позвал цыганку, которая случайно проходила по дороге, привел ее в мастерскую и изобразил предсказывающей судьбу». Биограф Караваджо был уверен, что унизил художника. Он не заметил, что клевета, непонимание переплелись в его словах с легендой. И мы благодарны, пусть недоброжелательному очевидцу, что записал он для нас формулу творческого кредо мастера и поведал, как появилась «Гадалка» — самое поэтичное его создание. Если бы не эта картина, воплотившая гармонию счастья, мы, возможно, никогда бы не узнали, какой светлой, доверчивой была душа юного Караваджо, покуда ее не омрачили и не замутили несчастья.

Нарядный юноша, очень похожий на «Лютниста», сдернув перчатку, протянул цыганке ладонь, и — забыл, зачем... Загляделся на девичье личико. А она, машинально проводя пальцами по его ладони, боится встретиться взглядом с таящим ласку, нежным взором прекрасного кавалера... Локоть его руки, горделиво упершейся в бок у золоченого эфеса шпаги, как бы выступает за плоскость холста. И от этого кажется, будто живой воздух окутывает юных караваджиевских героев. Александр Бенуа потом скажет: «В ранних вещах Караваджо... колорист светлый и цветистый».

Больше никогда не напишет Караваджо картину о счастье. Хотя слава его растет. Трудная, недобрая, омраченная непониманием, враждебностью.

Только что в искусстве творили великаны. Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, Тициан... И многие убежденно верили, что впредь искусству осталось лишь благоговейно повторять созданное гениями. В Болонье трое братьев Караччи вместе с другими живописцами, не принимавшими фальшиво-аффектированного, изломанного творчества маньеристов, основали академию (она стала началом всех будущих художественных академий), создали первую теоретически обоснованную школу, хранящую наследие прошлого. Болонцы-эклектики хотели, чтобы сохранялось великое. Глубокая духовность, бездонно-загадочная содержательность, совершенное мастерство Леонардо. Чистота чувств, возвышенная человечность, непревзойденное благородство рисунка Рафаэля. Мощь, сила, величавая властность композиций Микеланджело. Колористические сокровища, собранные Тицианом. И вдруг явился этот дерзкий ниспровергатель! Не желая подражать никому, «ниже самому господу богу», привел он, никого не спросясь, в высокое искусство грубую, неотесанную правду, мужланов из толпы простонародья. Стал он писать просто и сильно, не озабочиваясь изысканностью и благообразием. И достигнутое великими помогало ему. Композицию он заставил служить не красивости, а настоящему чувству. Законченный и четкий рисунок привлекал его не благородством линий, а возможностью точно повторить черты зримого мира.

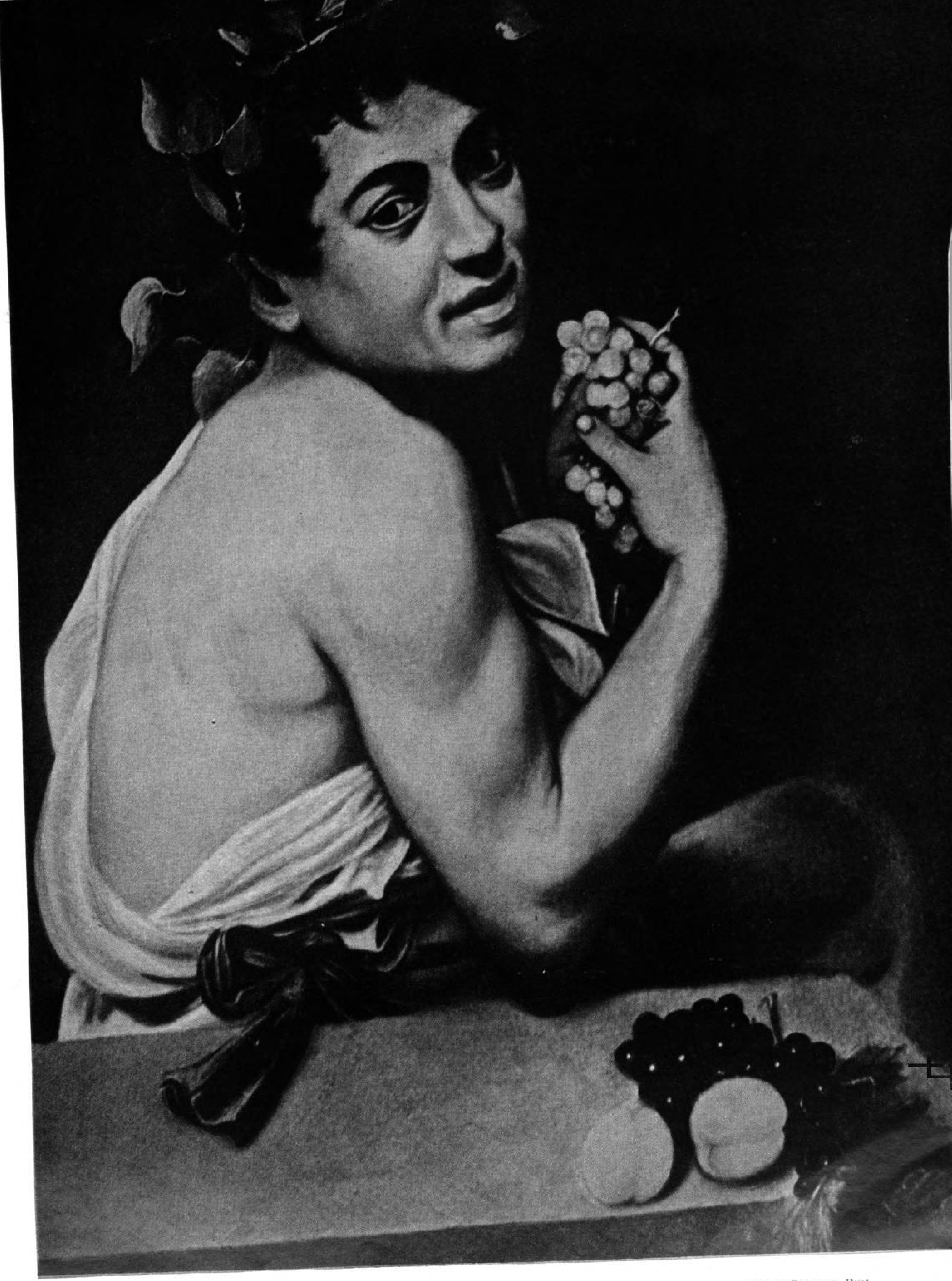
Испанский живописец Антонио Паломино, творивший после Караваджо, писал: «Изучение природы делает людей настолько выдающимися, что справедливо называют их единственными... Как раз это произошло с Микеланджело Караваджо, который, почувствовав себя новатором в своих методах, отдал все, что приобрел, художникам, писавшим фрески, а сам, побуждаемый своим гением, принялся рисовать с природы».

Маньеристы буквально пошли войной на бунтаря, смертельного своего врага. Они охаивали его картины. Они чернили и травили его самого.

Уязвленный Караваджо яростно дразнит обидчиков, дерзит им как может. А они, видимо, все же поняв, что картины своими достоинствами защищают и себя самих и автора, обратили все усилия на слабое место в характере Караваджо. Упорно, изо дня в день провоцируют они мятежный темперамент, вспыльчивость, болезненно ранимое самолюбие человека, сознающего свою значительность и с раннего детства натерпевшегося обид и унижений. И горько видеть, как искалеченный характер великого мастера, бурный и несдержанный, стал союзником его преследователей. Они надолго — на века — ославят его авантюристом.

«Караваджо не оставлял ради занятия живописью своих беспокойных склонностей,— писал Джованни Бальоне,— проработав несколько часов в день, он отправлялся бродить по городу со шпагой на боку». Эту шпагу, которой владел он с мастерством и отвагой, все чаще и чаще вынуждали его пускать в дело.

И случилось неизбежное — 29 мая 1606 года за игрой в мяч разго-

Караваджо. 1573—1610. БОЛЬНОЙ ВАКХ. Начало 1590 гг.

Национальная галерея Боргезе. Рим.

Караваджо. ГАДАЛКА. До 1595 г. Лувр. Париж.

релась ссора. Падают замертво партнер Караваджо и один из противников, а сам художник тяжело ранен в голову... Сперва, надеясь на прощение, художник скрывается в окрестностях Рима. Но никакое заступничество могущественных друзей и покровителей не помогло. Одна только близость Рима стала опасной. И в августе 1607 года Караваджо уехал в Неаполь.

Здесь восторженно встретили знаменитого мастера. По всей Италии шла молва о его «Положении во гроб». Из далекой Фландрии приезжал блистательный Рубенс копировать трагический холст, даже врагами и завистниками признанный шедевром. После неимоверной головоломной сложности маньеристских композиций всех поразила скупая простота картины.

«До Караваджо не писали так просто, сильно, уверенно,— говорил Александр Бенуа.— Можно любоваться, с каким колоссальным мастерством исполнены его картины, как точно, строго и убедительно все нарисовано, как сильно, плотно и красиво все написано». Но и Бенуа поражала «смелость и прямо какая-то дерзость, с которой он обыкновенно трактовал религиозные темы».

В Неаполе творениями Караваджо, в которых он писал не святых, а словно бы обожествлял людей из народа, особенно восторгались молодые живописцы-испанцы. Одного из них, Хосе Риберу, позже назовут самым верным из последователей мастера, а Неаполь, где Караваджо оставил глубокий след в творчестве многих художников, заслужит имя твердыни реализма.

На изгнанническом пути Караваджо будут еще и Мальта, Сицилия, Палермо... Поначалу на Мальте знаменитый мастер был милостиво принят тогдашним главою Мальтийского ордена — гроссмейстером Алофом де Виньякуром. Заказы следовали один за другим. Художник с обычной для него правдивостью написал два парадных портрета своего покровителя, несколько полотен для собора Сан-Джованни в мальтийской столице Ла-Валетта, был за них удостоен золотой рыцарской цепи, дарующей дворянство, и получил двух рабов. Едва весть о награде дойдет до Рима, Беллори не преминет объявить изгнанника честолюбцем, устремившимся на Мальту за рыцарским крестом...

Вспыльчивому, дерзкому, самолюбивому Караваджо, которого называют первым из племени свободных художников, непросто и нелегко было жить даже и в положении рыцаря среди дворян и феодалов. Взрыв не заставил себя ждать. Осенью 1608 года Караваджо оскорбил прокуратора казны ордена, знатного рыцаря Варейса. С этого часа даже сам гроссмейстер не может защитить живописца. Он лишен всего, брошен в тюрьму. Рискуя жизнью, этот отчаянный человек бежит из мальтийской темницы в Сицилию, скитается там по городам и весям, но оскорбленный рыцарь всюду следует за ним. Только кровь и смерть обидчика могут смыть пятно с чести... А художнику нужно жить и работать. Чтобы получить заказ, приходилось открывать свое имя и обосновываться в больших городах. Очень скоро весть о знаменитом мастере разносилась по округе. Караваджо, торопясь и терзаясь, наспех заканчивал свои картины. И о какой настоящей работе с любимой натуры может быть теперь речь! Нужно стараться запутать следы, уйти от погони... И не удивляет, что художник в ту пору утратил душевное равновесие и благоразумие, вообще столь мало свойственные его натуре. Удивляет другое. За три с небольшим года, прошедших в скитаниях, Караваджо, загнанный, бесприютный, создал почти два десятка больших полотен (а возможно, и более). Он работает все с тою же, как в юные годы, быстротой, страстью, воодушевлением. И словно выплескивает на холсты всю меру страданий, боль обид, горечь несправедливостей, груз ранней усталости, густоту мрака жизни, которая обращается с ним с беспощадной, будто даже изощренной жестокостью. Картины его рассказывают, как растет отчаяние в этой одинокой, мятежной, не ведающей смирения душе, рожденной для добра и вдохновения, обреченной на зло и муки. От жизнеутверждения к трагизму идет художник. О последнем периоде его творчества говорят: «Нарастающий интерес к световым проблемам, общее потемнение колорита, приобретающего тональное единство, и усиление драматической напряженности рассказа». Как все это далеко не только от светлых надежд, воплощенных в «Гадалке», но даже от величаво-горестного ритма «Погребения Христа». А в написанных незадолго до смерти «Воскрешении Лазаря», «Погребении св. Лючии» воплотились навеки безысходность, ужас смерти, неизбывное горе, не знающее надежды, и словно бы звучат не музыкальные аккорды, а безудержные, конвульсивные рыдания...

Манере мастера найдут впоследствии название «тенебросо» — живопись погребного освещения. Целое поколение блистательных, средних, а то и вовсе забытых теперь живописцев во всех странах тогдашней Европы, потрясенные тем, какого правдоподобия достигает Караваджо простыми контрастами света и тени, станут ему подражать. И всех их по имени его назовут караваджистами. И появится в истории живописи термин — караваджизм, с которым связано в искусстве рождение реализма, прошедшего через столетия, живого поныне.

Каким-то чудом изображенные в застывших позах караваджиевские коренастые мужланы и ширококостные женщины простонародья движутся! Так же неторопливо, неловко, но естественно и выразительно, как те, кого художник встречал на улицах и площадях Рима, а потом на дорогах своих скитаний. Зачем ему было выдумывать благообразные лики, если апостолы и святые виделись ему в каждом крестьянине, рыбаке, солдате, нищем... Ведь он смотрел на мир глазами первого реалиста, который жаждал запечатлеть на холстах Жизнь, а не образы, построенные по заданным канонам. Много-много лет позже историки искусства назовут это дерзание мастера его «программой демократизации священного писания». А покуда современники с пренебрежением замечают любовь простонародья к его картинам и объясняют эту любовь «необдуманным выбором деталей, которые не подобают большому искусству»... Еще бы! Могли ли жившие в изнеженно-надуманном мире маньеристы принять бесхитростное и земное, дерзкое и грубое, мужественное и бодрящее искусство Караваджо, если даже через века реалист Репин назовет его «великим варваром»? Могли ли они полюбить крестьян-пилигримов в изношенной бедняцкой одежде, что стоят коленопреклоненные перед «Мадонной ди Лоретто» или перед «Мадонной с четками»?! Могли ли согласиться они с тем, что, пренебрегая требованием самого папы — заказчика «Мадонны со змеей», вместо величавой Богоматери и Христа, попирающих грех — змею, написал мастер обыкновенную, одетую в современные одежды женщину и божественный сюжет превратил в образ материнской любви. Мальчик беспечно хотел раздавить змею, но наступил на ногу матери — та успела опередить сына, сама придавив к земле голову извивающейся гадины... Караваджо здесь еще и преступил освященные церковью каноны: изобразил Христа не младенцем, а мальчуганом лет пяти-шести. Словом, предназначенная для собора «Мадонна со змеей», или «Мадонна Палафреньери» (по имени знатного рода, из которого происходил папа Павел V), стала очередной картиной Караваджо, признанной недостойной украсить священный алтарь... Но вместо того, чтобы «образумиться», упрямец все смелее пишет священные сюжеты как сцены народной жизни.

«Смерть Марии» — «Успение Богоматери». Величавое и правдивое воплощение человеческого горя, запечатленная с возвышенной сдержанностью смерть, навеки отбирающая у нас близких и любимых.

Отвергнутую церковниками картину приобрел для коллекции герцога Мантуанского Рубенс. Живописец королей увидел то, о чем лишь теперь говорят историки искусства: «Смерть Марии» является вершиной в творчестве Караваджо. Она достойна быть поставленной рядом с картинами Рембрандта».

С этим полотном в мир словно бы явился третий Караваджо — мастер, не похожий ни на автора «Гадалки» или «Лютниста», ни на создателя цикла о Матфее, принесшего ему первую славу, или «Положения во гроб». Прозрачны стали прежде густые тени, смягчилось тенебросо, ушла жесткость, плотность фона, поглощавшая невысвеченные детали, обрела глубину, и напоенный золотым светом воздух трепетно и тепло окутал фигуры.

В это же время написал художник одну небольшую картину — «Давид с головой Голиафа». И — предсказал свой страшный конец... Окровавленную мертвую голову Голиафа, которую держит юноша Давид, считают... автопортретом Караваджо. Всклокоченные волосы зажаты в руке юного Давида. Остановившиеся, гаснущие, но еще как бы живые глаза под сведенными мучительной судорогой бровями глядят в вечность. Открыт рот в только что оборвавшемся предсмертном крике. Потоки крови... Но самое страшное, что он ничего не преувеличил. Ведь едва он достиг расцвета, одолел вершины мастерства, добился славы, как стал изгнанником. Когда блеснула последняя надежда, она оказалась лишь предвестницей смерти. И сердце ощутило боль раньше, чем настигло несчастье.

...Вот-вот художника догонят преследователи. В последней надежде плывет он снова в Неаполь, в Италию, ближе к Риму, видевшему зарю и торжество его славы. Оттуда, измученный, шлет он на Мальту новую свою картину,— быть может, умилостивится гроссмейстер, остановит, удержит убийц. О, если бы папа, перед которым просят за художника его друзья и покровители, даровал ему прощение! Ведь он еще совсем молод — всего 36 лет. Только бы покой и свобода. Только бы возможность работать... Но Виньякур не вступился. Папа медлил. И месть настигла скитальца у дверей неаполитанской таверны. Его жестоко избили вооруженные люди рыцаря Варейса, обезобразив лицо. Верно, было оно тогда страшнее, чем у его мертвого Голиафа...

Залечив раны, Караваджо направился все же в Рим. Быть может, как предполагают сегодня, могущественный папа простил-таки грешника... В нетерпении, еще не окрепший, пускается он в путь морем на нанятой фелуке. Но в Порт-Эрколе, приняв за другого, его арестовывает испанская стража. Роковая нелепость! И снова тюрьма. Установив личность, стражники выпустили задержанного, но фелуку со всем достоянием уже успели похитить. Больной, обессиленный, раздавленный, художник не вынес последнего потрясения.

Караваджо скончался 18 июня 1610 года от приступа той самой лихорадки, выздоровлению после которой он радовался 20 лет назад, на пороге славы и в начале тернистого пути.

Только в нашем XX веке стало ясно, что этот дерзкий и неприкаянный человек совершил в искусстве подвиг. Он поднял на могучих плечах искусство своего столетия. И кажется, что не случайно было у него одно имя с титаном Возрождения — Микеланджело.

Грубые, простодушные, простонародные образы, вылепленные Караваджо сочно и темпераментно, резко и просто, заговорили с народом языком истинных человеческих чувств, вернули искусству биение сердца, теплоту плоти, правду. За это их и ненавидели люто фанатики-реакционеры и приверженцы искусства, которому нет дела до страданий и радостей народа. Но за правдой, открытой Караваджо, пошли все те, кому суждено было творить великое, бессмертное искусство своего столетия. Молодой Рубенс копировал его картины. В золотом и горячем свете, озарившем полотна Караваджо, начался Рембрандт. «Земной» и «грубый», он вдохновил страстно-духовное искусство испанцев, и то, что зовется испанской школой XVII века, было бы не только невозможно — немыслимо без сделанного им. Черные тени его тенебросо придали небывалый трагизм холстам Хосе Риберы и выразительную суровую правдивость картинам Сурбарана. Даже некоторая склонность Мурильо к изнеженности словно бы сдерживается влиянием целомудренной простоты образов Караваджо. Веласкес развил те его приемы, когда в картине словно в фокусе написаны лишь главные фигуры, а остальное зафиксировано как бы одним беглым взглядом. Вермеер Делфтский и другие, не столь прославленные живописцы в Голландии тоже испытали влияние Караваджо. Во Франции у братьев Ленен и Жоржа де Латура караваджиевский свет с необычайной, мягко струящейся теплотой озарил лица крестьян. И во всех странах Караваджо помог целым поколениям молодых художников сорвать с глаз пелену искусственности и неправды и ясно и радостно увидеть, что в мире самое возвышенное, значительное, прекрасное — жизнь народа.

И именно поэтому наш XX век — век народных революций, поставил наконец без оговорок рядом с именем Караваджо принадлежащее ему по праву слово в е л и к и й.

Михаил ХОНИНОВ

МОЙ ТОВАРИЩ, ПРОФЕСС

В начале тридцатых годов мимо нашей школы впервые прошел колесный трактор. Мы, школьники, шумно вскочили с мест и выбежали на улицу посмотреть на это чудо. Каждый из нас хотел сесть на трактор и хоть немного прокатиться. Больше всего, до хрипоты, кричал маленький Пюрвя из младшего класса.

— Я буду править этим чудом!

— Брось ты, хвастун... Это тебе не верблюд и не конь,— резко оборвал его я.

— А вот увидишь, когда вырасту, буду править...— твердил свое Пюрвя.

С тех пор минуло более сорока лет. Тот мальчик, мой товарищ, трактористом не стал. Он стал математиком. Профессор Пюрвя Мучкаевич Эрдниев — так его величают ныне.

Теперь это имя известно за пределами нашей Родины. Его научные статьи и книги печатают в Германской Демократической Республике, Франции, Польше, Венгрии, Румынии. Отечество свое мы защищали от фашистских захватчиков на разных фронтах: он воевал в степях Украины и в Пруссии, я на Смоленщине и Могилевщине. А сейчас мы живем и работаем через улицу, в родной нашей Элисте, в столице Калмыкии.

В боях в Восточной Пруссии он получил второе тяжелое ранение. Потребовалась ампутация ноги.

Пюрвя уходил на войну учителем начальной школы. И лишь после войны ему удалось осуществить свою мечту: он окончил педагогический институт в Барнауле. Затем был учителем, завучем, преподавал физику и математику в сельских школах Алтайского края. Работая в сельской школе, много думал о путях облегчения труда учителей и детей. Думал и искал, пробивая свою дорогу в науке.

В 1958 году в журнале «Математика в школе» напечатали первую его научную работу. Она была посвящена тому, как научить школьника проверять результаты вычислений. Практическая работа учителя привела Эрдниева к проблеме, ставшей стержневой линией его научного поиска,— к проблеме ускоренного обучения при одновременном достижении основательности и осознанности знаний.

Известно, что объем получаемой человечеством информации бурно возрастает. Естественно, возрастает и информационная нагрузка учащихся. Педагогам всех ступеней приходится решать противоречивую задачу: за меньшее время — больше знаний. Решить ее, как показали исследования Эрдниева, можно не упрощением заданий, а их усложнением.

Клин клином вышибается. Чтобы усвоить таблицу умножения, надо ее связать с таблицей деления (5×7=35, 35 : 7=5 и т. д.), задачи надо изучать парами, группами. Целостные знания интереснее для детей, чем элементарно простые.

...В Москву он приехал со своей научной темой. Пробыв лишь год в аспирантуре Академии педагогических наук, Эрдниев защитил в 1958 году кандидатскую диссертацию, которая называлась «Развитие навыков самоконтроля в связи с активизацией процесса обучения математике».

Чем же стал известен далеко за пределами своей республики мой земляк? Успехами в поиске новых методов обучения, ныне признанных и принятых тысячами учителей. И главное — настойчивостью во внедрении найденных средств в массовую практику.

Старый учитель М. Абрамович пишет ему из Львова: «Я прочел вашу статью в «Народном образовании»; вы, Пюрвя Мучкаевич, ведете неутомимую борьбу, я сказал бы, за святое дело». Кандидат педагогических наук Е. М. Семенов из Свердловска: «Вчера прочитал вашу статью в «Советской педагогике». Главное заключается в том, что вы сформулировали основные научные положения методики». По мнению старейшего методиста математики, профессора В. Репьева, никто и никогда не рассматривал процесс обучения так, как это сделал П. М. Эрдниев. Пишут ему учителя из Баку и Липецка, Астрахани и Архангельска, Красноярска и Краснодара.

Пишут о том, что результаты обучения по его системе «превзошли все ожидания», о том, что метод укрупнения хорош, так как «он помогает детям не заучивать, а понимать»; пишут о том, что эта система обучения «увлекает детей, всех без исключения, мысль их работает активно и радостно».

Я спросил Пюрвю Мучкаевича:

— В чем же новизна вашего метода? Ведь детей учили давно, учили сотни лет, учили неплохо. Неужели в наш век, век космоса, атома и электронно-вычислительных машин, не все еще решено в вопросах обучения... четырем действиям арифметики?

Профессор говорит задумчиво:

— Да, как это ни странно, в самих основах науки обучения человека сделано мало. Прогнозисты утверждают, что лидерство в науке постепенно переходит сейчас от физики к биологии; пройдет наверняка не так уж много времени, пока знания о работе мозга наконец откроют глаза людям и они убедятся в основополагающей роли цикла наук о человековедении и возведут их в ранг фундаментальных. Тогда общество сполна оценит приемы и средства, позволяющие без ненужных издержек, траты сил и нервов воспитать из ребенка деятеля, активно владеющего богатствами познания. Вырастить разносторонне развитое молодое поколение! Поистине дух времени таков, что от качества обучения, от уровня всего цикла педагогических наук будет зависеть в большей степени, чем от всех иных факторов, прогресс общества в целом.

Велика сейчас нужда в хороших учителях. Если подумать, нужда в увлеченных учителях сейчас для страны даже бóльшая, чем нужда в хороших инженерах.

Мы мало еще работаем над тем, чтобы восславить удивительное своеобразие педагогического труда. Еще мало книг, художественных, документальных, а также и фильмов, прославляющих труд учителя-искателя, учителя-новатора.

В настоящее время нарушены пропорции между затратами на производство научной информации и на освоение этой информации массами.

Высшую математику сейчас изучают столько же людей, сколько изучали арифметику лет сорок назад. Существуют полсотни курсов математического анализа и ни одного исследования по дидактико-психологическим основам обучения по этому предмету.

Докторов наук — «чистых» математиков в сотни (!) раз больше, чем докторов наук, избравших

ОР ЭРДНИЕВ

«менее благодарную» сферу — дидактику математики, разрабатывающих способы рациональной передачи математических знаний миллионам обучающихся, детей и взрослых.

Можно сказать, что ценность научной идеи (информации) зависит не только от того, насколько она «безумна», как говорят литераторы, насколько она опережает, обновляет научные взгляды вообще; наука становится производительной силой лишь тогда и постольку, когда и поскольку ею овладели массы, а не только отдельные личности. Экономисты точно подсчитали, что в среднем из двух токарей одного и того же разряда токарь с десятилетним образованием дает больше продукции и более высокого качества, чем токарь с восьмилетним.

Общество много теряет из-за плохой постановки обучения азам науки, ее началам. Нередко бывает, что человек, имеющий в кармане диплом о среднем или высшем образовании, не владеет соответствующим минимумом знаний. Причем это происходит зачастую не по вине учащихся... Происходит это из-за неразвитости дидактики — науки об обучении.

Не случайно одним из главных тезисов в решениях партии и правительства о школе всегда подчеркивается необходимость обновления методов обучения.

Центральную задачу современного образования профессор Эрдниев видит в изыскании путей укрупнения системы исходных, базисных научных знаний. Современные методы обучения, строй программ и учебников преимущественно аналитичны. Зачастую преуспевают те, кто натренирован, натаскан в формальном мышлении. Однако делу удается помочь, привлекая резервы конкретного мышления, эмоциональной сферы, мира красок, содержательных связей, жизненных ситуаций, в которых как раз сильно громадное большинство людей.

...Дадим слово доктору филологических наук, лауреату Ленинской премии М. С. Шагинян:

«Дети у нас обычно по старинке сперва выучивают сложение, потом вслед за ним вычитание и т. п. Это называется четыре действия арифметики. Эрдниев предложил одновременно, сразу — в тетради, в учебнике, на доске — постигать сложение и вычитание как действия одного порядка, как контрастные действия, заложенные в одном мыслительном процессе, как две стороны одного целого.

Обучение по его методу сокращает время обучения арифметике в школе чуть ли не вдвое.

Но эффект его новой методики не только в этом: она, эта методика, сделала шаг вперед и в работе детского мозга, научила его первому дыханию проблемности — чувству контраста».

Добавим, Эрдниев сумел распространить свой метод и на алгебру, геометрию, высшую математику, ибо математика вся соткана из противоположностей.

Венцом творчества педагога-новатора должно стать создание главной книги школы — учебника. Если исследователь не сумел создать учебника для детей на разрабатываемых им принципах, он не сделал основного! Так вот, профессор Эрдниев написал пробные учебники математики начиная с первого класса. А академик А. Н. Колмогоров рекомендовал проверить его идею «укрупнения и противопоставления» вплоть до восьмого класса.

Лауреат премии имени Н. К. Крупской академик Академии педагогических наук СССР Л. В. Занков считает наиболее ценным то, что в книгах Эрдниева можно найти филигранную отработку прежде всего практической, конкретной методики. Поэтому так велик интерес к его книгам, учебникам. Основная его монография «Методика упражнений по математике» переводится на немецкий язык в Германской Демократической Республике. Министерство просвещения СССР рекомендовало эту книгу для изучения всем преподавателям математики нашей страны в порядке самообразования. Но все это — лишь начало большого перспективного поиска, последствия которого пока трудно предсказать.

По учебникам Эрдниева проводится уже десяток лет успешное экспериментальное обучение в школах Элисты до пятого класса включительно. За эти годы многие учителя города освоили в совершенстве метод укрупнения.

В Элисту идут не только письма с просьбой помочь книгами, советами. Многие педагоги приезжают сюда, чтобы увидеть воочию новую методику в классе, поучиться ей...

...Мой товарищ уверенно шагает по жизни. Он прошел все ступени: солдат, сержант, офицер, учитель начальных классов, преподаватель средней школы, доктор педагогических наук, профессор университета, заслуженный деятель науки. Он продолжает пробивать свою дорогу в науке и, не уставая дерзать, идет к заветной цели. Он находит и щедро дарит людям лучшие пути обогащения миллионов детей самым дорогим на свете сокровищем — знаниями, такими знаниями, которые обеспечивают постоянный духовный рост человека в течение всей его жизни.

Элиста.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

«О КОСТЮМЕ — С ПРИСТРАСТИЕМ»

Разговор, начатый корреспонденцией К. Барыкина «О костюме — с пристрастием» («Огонек» № 26, 1973 г.), продолжается. Читателей интересует: что делается для улучшения качества костюмов, для устранения имеющихся недостатков? В значительной мере на этот вопрос отвечает полученное редакцией письмо заместителя министра легкой промышленности СССР П. МАКСИМОВА.

«Вопросы, поднятые в статье «О костюме — с пристрастием»,— пишет он,— Министерство легкой промышленности СССР рассмотрело и считает правильными и актуальными. Качество и ассортимент костюмов все еще не удовлетворяют растущие требования. Проведенная проверка швейных предприятий, в том числе московского производственного швейного объединения «Большевичка», показала, что отдельные изделия имеют нарушения по технологии изготовления и посадке. Это снижает уровень их элегантности — в сравнении с образцами, разработанными в экспериментальных цехах фабрик и в домах моделей.

Для улучшения качества и ассортимента мужских костюмов, выпускаемых производственным объединением «Большевичка», министерством во втором полугодии 1973 года дополнительно выделены прикладные материалы, обеспечивающие стабильность «каркаса» костюма, — импортная бортовая ткань, флизелен, лента брючная корсажная и другие.

Произведена замена камвольных полушерстяных тканей устаревших структур и рисунков на ткани, изделия из которых пользуются повышенным спросом.

Объединением «Большевичка» приняты меры по улучшению качества мужских костюмов, по совершенствованию организации производства и технологии конструкции и обработки моделей. Внедряется новое оборудование. Ведется разработка моделей повышенной сложности. За 8 месяцев 1973 года объединением освоено 35 новых моделей костюмов и брюк. Тридцать одной модели присвоен государственный Знак качества. Выпущено 125 тысяч изделий со Знаком качества. Освоен выпуск новых видов костюмов из искусственной кожи для автомотоспорта и брюк из формоустойчивого трикотажного полотна».

В 1974 году, сообщает далее заместитель министра, объединение «Большевичка» будет выпускать мужские костюмы из формоустойчивого трикотажного полотна. В этой связи предусмотрена поставка комплекта импортного технологического оборудования.

Речь в статье «О костюме — с пристрастием» шла прежде всего о продукции объединения «Большевичка». Поэтому заместитель министра более обстоятельно говорит о положении дел на этом предприятии. Но одно объединение, даже такое крупное, как «Большевичка», не исчерпывает проблемы. Вот строки из заключения Госторгинспекции: «Из проверенных 200 мужских шерстяных костюмов пятигорского швейного объединения «Машук» забракованы все». Из-за плохого качества пошива, уточним мы.

«Минлегпромом СССР проведен просмотр мужских костюмов и брюк, выпускаемых 60 предприятиями швейной промышленности союзных республик. Просмотр шел не только с участием специалистов предприятий швейной промышленности и домов моделей, но и смежных отраслей промышленности, а также торговли. Из 553 просмотренных изделий 80 моделей (как несоответствующие современному направлению моды — по конструкции, тканям и другим показателям) сняты с производства, а 312 моделей рекомендованы в производство без замечаний. Предложено увеличить их выпуск до полного удовлетворения заказов торгующих организаций.

На чимкентской швейной фабрике «Восход» Министерства легкой промышленности Казахской ССР проведен Всесоюзный семинар по изучению опыта в области конструирования, технологии, организации производства и улучшения качества изготовления мужских костюмов. Семинары по моделированию и конструированию мужской одежды состоялись в Ташкенте, Таллине, Виннице и Ростове-на-Дону.

В наступающем году намечено провести Художественно-технический совет по просмотру новых образцов и изделий текущего ассортимента мужских костюмов, а также тканей, прикладных материалов и фурнитуры для производства костюмов.

Приказом министра легкой промышленности СССР определены меры по совершенствованию работы домов моделей одежды, организации промышленного моделирования изделий, внедрению новых моделей в массовое производство и по усилению авторского контроля за соответствием изделий массового пошива образцам».

В корреспонденции «О костюме — с пристрастием» отмечалось, сколь важно повысить роль авторского контроля. Может, настала пора подумать и о том, чтобы имя автора модели обозначалось на товарном ярлыке?

«Принимаются меры,— продолжает тов. Максимов,— по увеличению выпуска и улучшению качества бортовых и прикладных материалов. На Вологодском льнокомбинате изготовлена опытная партия льновискозной бортовой ткани, применение которой позволит улучшить качество мужских костюмов.

Разрабатываются дополнительные требования по определению качества швейных изделий, включающие критерий «элегантности».

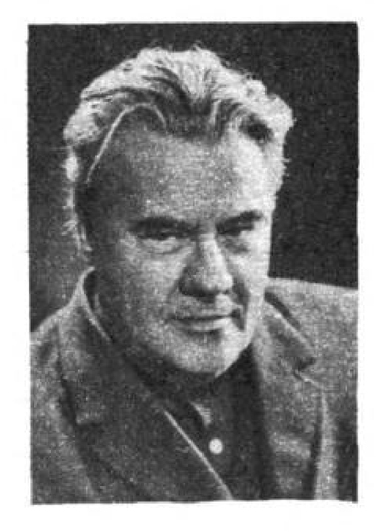
Отрадно отметить, что теперь эта категория будет узаконена. Несмотря на то, что по внешним своим признакам «элегантность» — понятие эстетическое, в нашем примере, применительно к готовому платью, элегантность в заметной мере объясняет — покупается костюм или нет.

«Проведено обновление ассортимента пуговиц. В частности, для мужских костюмов выпущены пуговицы в новом оформлении. Обновление ассортимента фурнитуры сейчас идет за счет освоения новых видов сырья — полиэфирных смол. Это дает возможность получить красивые пуговицы повышенной термостойкости. Производство пуговиц из полиэфирных смол возрастет.

В Московском объединении по производству пластмассовой фурнитуры намечено установить в 1974 году новые линии по изготовлению пуговиц, имеющих муаровый эффект, для мужских костюмов и пальто».

Василий ФЕДОРОВ

«ПОКА ЖИВОЙ — ИДИ!»

Когда читаешь поэта, не зная его лично,— это одно; совсем другое, когда встретишь его самого. Часто слово поэта расходится с его обликом — слово само по себе, он сам по себе, отчего общее впечатление начинает дробиться. Для моего восприятия важно единство, когда за строем стиха, за образом, за мыслью я начинаю видеть облик человека, жест, интонацию. Именно в таком качестве мне посчастливилось воспринять стихи моего украинского друга Платона Воронько, которому ныне исполняется шестьдесят.

Кажется, это было совсем недавно, меж тем прошло около тридцати лет. Мы встретились с ним в Москве где-то в конце войны, уже после его участия в знаменитом Карпатском рейде Ковпака, после которого ему пришлось отлеживаться в одном из киевских госпиталей. Мы ходили с ним по затемненной еще, но озаряемой вспышками победного салюта столице, и я его хорошо видел. Подрывник, командир партизанского отряда, поэт, замеченный Рыльским, он весь светился счастьем жизни и победы. И удивительная мягкость, точнее, музыкальность голоса. Одним словом, его было хорошо слушать. У него уже была книга «Карпатский рейд», а у меня только разрозненные стихи. И я его слушал.

Да простит мне Платон мою лирико-вспоминательную интонацию. Думаю, что тридцатилетняя дружба с ним и его стихами дает мне на это право. И совсем хорошо, что за все эти годы он не дал повода вспомнить знаменитое изречение: «Платон мне друг, но истина дороже».

Как настоящий крупный поэт Платон Воронько явился мне вскоре же после нашей первой встречи. На первое всесоюзное совещание молодых он привез поэму «Из Неметчины в Чернетчину». Если ранние стихи были его личной удачей, то в этой поэме мы увидели удачу всей нашей поэзии. Поэма зазвучала в отличном переводе Сергея Васильева — переводе, равнозначном украинскому оригиналу:

«Откуда ты?»
«С Неметчины».
«Куда идешь?»
«В Чернетчину».
«А как зовут?»
«Катрусею».

К такой емкой народной простоте мой друг пришел не сразу. Он начал постигать ее на войне с белофиннами, а до того, по его собственному признанию, писал замысловато. За две войны он так узнал жизнь, что его стихам уже стали не нужны никакие украшательские приемы. Позднее, после многих отличных стихов и таких поэм, как «Стояны», «За все года разлуки», Платон Воронько все чаще обращается к самому юному читателю. В этом факте своя закономерность и мудрость. С детьми надо разговаривать в стихах не потому, что поэт еще не научился разговаривать со взрослыми, как довольно часто бывает у нас, а как раз наоборот — для разговора с детьми нужна вся мудрость взрослых. Здесь Платон усвоил урок, который нашей литературе для детей преподал еще Лев Николаевич Толстой. Он начал писать для маленького читателя уже после своих больших романов.

Поэту вообще, а поэту-лирику в особенности более всего приходится заниматься самим собой, исследовать себя, свое душевное состояние, но не изолированно, а в отношениях с миром, с людьми и природой, с минувшим, настоящим и будущим. Его оценки самого себя, своего пути, даже самые пристрастные, бывают объективнее сторонних наблюдений. Такие оценки есть и у Платона Воронько. Читая одну из его последних книг на русском, я встретился со стихами:

Я видел страшного немало.
Страх был,
Но был и долг бойца.

А заканчивается стихотворение так:

А если уж любил,
То смело
И так же смело не любил.

В этом откровенном признании весь Платон. Долг бойца приводил его к суровым испытаниям, но этот великий долг приводил его и к победам. Недаром книга названа так, что это название становится программой жизни: «Пока живой — иди!»

БОГАТСТВО МЕ

Многих, особенно людей непосвященных, это удивляло: никому не известный студент вдруг выступает с симфонической поэмой, которая сразу выходит на большую концертную эстраду, получает самые лестные отзывы авторитетнейших мастеров нашей музыкальной культуры...

Но тот, кто был знаком с молодым композитором ближе, мог утверждать, что успех его вполне закономерен. Георгий Майборода родился и вырос в далеком полтавском селе, в крестьянской семье. Но это обычное во многих других отношениях село было знаменитой «поющей Пелеховщиной», где под каждой крышей — семейный хор, где каждый второй мальчишка играл на скрипке или бандуре, домре или гитаре...

В конце двадцатых годов, когда перед 15-летним Георгием встал вопрос: кем быть? — его захватывает общий энтузиазм первой пятилетки. Мечта Г. Майбороды — попасть на одну из строек индустриализации страны. Окончив в 1931 году индустриальный техникум, он идет работать на запорожский алюминиевый завод. В то же время самостоятельно изучает музыкальную литературу, пробует писать стихи и прозу.

Но музыка звала его все настойчивее, и Г. Майборода вскоре становится студентом Киевской консерватории.

В 1939 году широко отмечался 125-летний юбилей Тараса Шевченко. В Киевской консерватории из двадцати двух работ, поданных на шевченковский конкурс, первой премии была удостоена симфоническая поэма «Лилея» студента третьего курса Георгия Майбороды. В основу ее были положены стихи великого Кобзаря.

Богатство мелодии, глубина философского осмысления темы свидетельствовали о большом, уходящем своими корнями в глубинные слои народной жизни таланте композитора, его незаурядном жизненном багаже. Его душа мужала и закалялась на главных шляхах народной жизни.

18 июня 1941 года Георгий Майборода сдал последний государственный экзамен в консерватории, которую окончил по классу Льва Николаевича Ревуцкого, а 10 июля уже шагал с винтовкой в солдатском строю. Тяжелые бои на подступах к Киеву, затем бои в окружении... Прошло еще много дней неволи, каторжного труда вдали от Родины, прежде чем он познал радость освобожденного и радость освободителя. Среди советских солдат, которых 9 мая 1945 года осыпали цветами жители Праги, был и пулеметчик Георгий Илларионович Майборода.

Зрелым, много пережившим и многое передумавшим человеком возвращается он к творчеству, в первые послевоенные годы пишет несколько крупных произведений: кантату «Дружба народов», «Гуцульскую рапсодию», Вторую симфонию, вокально-симфоническую картину «Запорожцы».

Но наиболее полно талант и мастерство композитора раскрылись в оперной музыке. Работу над своей первой оперой, «Милана», Георгий Илларионович завершил в 1957 году. Ее премьера в Киевском

ГОРЬКОВСКАЯ

Москва, Тверской бульвар, 25... Сегодня этот адрес известен в самых отдаленных уголках земли: здесь находится единственный в мире институт, занимающийся профессиональной и общеобразовательной подготовкой будущих прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, мастеров художественного перевода.

1 декабря 1973 года Литературному институту, основанному по инициативе великого пролетарского писателя Горького, исполняется сорок лет. В декрете, подписанном всесоюзным старостой М. И. Калининым, говорилось:

«В ознаменование сорокалетия литературной деятельности Максима Горького Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, отмечая заслуги Максима Горького в области воспитания новых писательских кадров из рабочих и крестьян, постановляет:

1. Основать в Москве Литературный институт имени Максима Горького...»

Творческими семинарами студентов — выходцев из рабочих и крестьян — руководили такие прославленные мастера советской литературы, как Константин Федин, Леонид Соболев, Леонид Леонов, Константин Паустовский, Борис Ромашов, Владимир Луговской, Всеволод Иванов, Михаил Светлов, Илья Сельвинский... В стенах Литературного института имени А. М. Горького воспитывались и получили путевку в жизнь молодые таланты не только Советского Союза, но и Польши, Болгарии, Монголии, развивающихся стран Африки.

За сорок лет своего существования Литературный институт подготовил более 1 800 человек, и среди них — лауреаты Ленинской премии Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Р. Гамзатов, С. Михалков,

ЛОДИИ

оперном театре состоялась в дни празднования 40-летия Октября. Вот что писал тогда в «Правде» Максим Рыльский:

«Не гонясь за нарочитой новизной, чуждаясь формальных ухищрений, композитор Г. Майборода радует советских слушателей прежде всего тем, по чему они, слушатели, честно говоря, несколько соскучились,— богатством и разнообразием мелодий».

За следующую свою оперу, «Арсенал», Г. Майборода был отмечен высшей наградой республики — премией имени Т. Г. Шевченко. Тут следует сказать, что с именем великого Кобзаря многое связано в работе композитора. Не один раз композитор обращается к его стихам и поэмам, пишет романсы, хоровую и симфоническую музыку. А к 150-летию со дня рождения великого украинского поэта заканчивает работу над оперой «Тарас Шевченко», к которой сам создает и либретто.

Заслуженному деятелю искусств УССР, народному артисту Советского Союза Георгию Илларионовичу Майбороде исполнилось шестьдесят лет. Он мастер глубокого проникновения в мир человеческих чувств, философских обобщений. Таким композитор остается не только в опере, больших симфонических произведениях, но и в многочисленных сочинениях для хора, в романсах, песнях, в музыке к спектаклям и кинофильмам...

Творческую активность Г. Майбороды обильно питают глубокие корни связей с народом — от «поющей Пелеховщины» до личных знакомств со многими арсенальцами, от живого участия в творческих судьбах своих воспитанников, бывших студентов Киевской консерватории, до большой государственной деятельности в качестве депутата Верховного Совета УССР, председателя комиссии по вопросам культуры. Он не делит своих забот художника и гражданина, которые неразрывно направлены на служение народу.

С. КАЛИНИЧЕВ

ШКОЛА

С. С. Смирнов, лауреаты Государственных премий СССР В. Ажаев, М. Алигер, С. Бабаевский, П. Воронько, Е. Долматовский, А. Коптяева, М. Луконин, Е. Мальцев, Л. Ошанин, К. Симонов, Ю. Трифонов, А. Чаковский, А. Яшин, лауреаты Государственных премий РСФСР имени А. М. Горького Б. Ручьев, С. В. Смирнов, В. Федоров...

Литературный институт имени А. М. Горького никогда не ставил перед собой задачи научить писать молодых людей. Но развить талант, помочь получить глубокие и всесторонние гуманитарные знания, стать подлинными гражданами своей страны, проводниками идей Коммунистической партии — такую задачу высшая горьковская школа с успехом решает на протяжении всей своей славной сорокалетней истории.

Вл. МЕЖЕНКОВ

ХУДОЖНИК ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

Вл. СОЛОУХИН

У нас не принято говорить: рисовальщик, живописец, акварелист. Все объединяется одним словом — «художник». Но слово «художник» мы употребляем и в обобщающем значении, когда хотим охарактеризовать человека, воссоздающего своим искусством живые образы людей, яркие картины жизни. Толстой — художник, Станиславский — художник, Федор Шаляпин — художник.

Владимир Тендряков сначала собирался стать художником в узком и прямом смысле этого слова: живописцем и рисовальщиком. Он и в Литературный институт-то поступил, уйдя из института кинематографии, с художественного факультета. Первое время в Литературном институте, слушая лекции по истории разных литератур или спецкурсы по отдельным писателям, Тендряков испещряет листы многочисленными импровизированными рисунками, к досаде наших уборщиц, приводящих аудиторию в порядок к следующему учебному дню. Да, рисование было ему уже не нужно, но был еще важен, видимо, сам процесс рисования, сам контакт карандаша и бумаги. Две музы некоторое время еще боролись за овладение молодым человеком, возникшим где-то в медвежьей глуши, на стыке трех областей: Вологодской, Архангельской и Кировской (Вятской), каждая из которых сама по себе немножко медвежья и глуховатая область.

Сопутствующие таланты нередки, если уж человек талантлив. Лермонтов превосходно писал маслом, Шаляпин рисовал и лепил, а в книге о своей жизни проявился как литератор, которого самая строгая приемная комиссия приняла бы в Союз писателей. Нестеров, Репин, Рерих оставили интересное литературное наследство. Но все же одно оставалось главным, а другое сопутствующим.

Это если не иметь тендряковского характера. У него все произошло иначе. Как только выбор был сделан, второй музе пришлось отступить, а нетерпение карандаша во время лекций (впрочем, чернильного пера) — это была лишь некоторая временная инерция. Будучи собранным и целеустремленным, Владимир Тендряков все свои творческие силы, всю свою потенцию художника направил в одно и единственное русло. Он служит только литературе.

Но талант есть талант, но глаз живописца есть глаз живописца, вот почему многие страницы тендряковской прозы поражают нас почти живописной яркостью, а люди, населяющие его книги,— выпуклостью и смелостью лепки.

К чисто литературному таланту (к таланту художника), к целеустремленности и собранности, уже названным мной, надо прибавить еще два качества, чтоб получился Владимир Тендряков: неукротимый гражданский темперамент и отсутствие какого-либо подобия робости, нерешительности, осторожности, боязни и при решении чисто формальных, профессиональных задач и при утверждении своей точки зрения, своих позиций. За двадцать пять лет литературной деятельности (и к пятидесятилетнему возрасту) он сделался писателем с мировым именем и утвердил себя в таких позициях, которые не спутать ни с какими другими.

Его книги продолжают лучшие традиции русской реалистической школы. Начиная с «Падения Ивана Чупрова», принесшего Тендрякову первую известность, и кончая недавней повестью «Три мешка сорной пшеницы», через «Не ко - двору», «Суд», «Тройку, семерку, туз», «Свидание с Нефертити», «Апостольскую командировку» и другие книги Тендряков остается ярким художником с публицистическим темпераментом, у которого одна только цель в жизни: сделать жизнь лучше. Но для этого должны лучше стать люди. Но для этого они должны посмотреть на себя, как в зеркало. Тендряков и стремится, чтобы таким зеркалом, зеркалом современной жизни, были его книги, его повести, рассказы, романы.

Я назвал три жанра, но нужно сказать, что Владимир Тендряков является мастером небольшой (то есть недлинной) повести. Она ему удается больше всего.

Впрочем, здесь мы рискуем соскользнуть на путь оценок, на путь литературоведческого и критического разбирательства как литературного мастерства, так и проблематики, точности выводов, заблуждений и всей сложности творческого пути, которая неизбежна для каждого большого художника. Маленький этюд, посвященный пятидесятилетию сотоварища по перу, не обязательно отягощать такими исследованиями.

Нашу литературу нельзя представить без Владимира Тендрякова. Пожелаем, чтобы к его следующему юбилею ее нельзя было представить без него еще больше.

Демонстрация прогрессивной молодежи на улицах французской столицы.

КРИЗИС МОЛОДЕЖИ ИЛИ КРИЗИС ОБЩЕСТВА?

Анри АЛЛЕГ,
обозреватель газеты «Юманите»

Они несут в массы газету идейной чистоты — «Юманите».

Фото автора и Б. Гурнова.

Кто они? Современные варвары, осаждающие наши города? Алхимики поголовного разрушения? Неряшливые пророки конца мира? Пресыщенные и неблагодарные дети «общества потребления»? Мученики? Уставшие? Привилегированные? Революционеры?

Чего они хотят? Крушить? Играть? Спастись бегством? Горланить? Понять? Умереть?

Что им нужно? Хорошую порку? Речи? Войну? Новую веру? Знамена? Партийный билет? Дубинку? Или хорошую заработную плату?

Эти наполовину серьезные, наполовину шутливые вопросы содержались в опросе, посвященном проблемам французской молодежи, который «Юманите-диманш» провела в мае этого года среди своих молодых читателей.

Несколько недель в адрес газеты приходили письма с ответами, в которых читатели высказывали свое отношение к тому феномену, что западные идеологи, политики и «благонамеренные» обозреватели именуют «бунтом» молодежи.

Радио, телевидение, кинохроника наперебой смакуют сообщения об устраиваемых молодыми «бунтарями» опереточных баррикадах, манифестациях, сопровождающихся насилием и поджогами машин, нападениях, похищениях и даже физических расправах с «предателями». Подобные факты не раз широко освещались, и нет надобности возвращаться к ним снова. Где бы ни происходили события — в Париже, в Токио, во Франкфурте-на-Майне, в Буэнос-Айресе или где-либо еще,— вы почти обязательно увидите эти группы молодежи, которые стараются превратить любую демонстрацию в стычку, в кровавое побоище с полицией во имя «революции» и которые, хотят они этого или нет, действуют лишь на руку реакции. Именно поэтому даже самые неприглядные выходки «бунтарей» вызывают у буржуазных газет лишь снисходительную улыбку сожаления.

Наряду с ожесточением и насилием среди части молодежи распространен также отказ от всяких действий. Один парижский еженедельник познакомил недавно своих читателей с молодыми людьми, которые, «питая отвращение к цивилизации», покидают города и современную жизнь, чтобы «начать новую и естественную жизнь». Другие — в США, Англии и Франции — увлеклись новым мистицизмом. Некоторые, например, заново открыли для себя «древнюю индусскую мудрость». Толпы новообращенных отправляются на поклонение новому «святому», юнцу гуру Махараджа. Этот «новый святой», «живое божество», однако, не забывает принимать дары от своей паствы. Одетые в длинные желтые балахоны буддийских монахов, с наголо обритыми головами эти новообращенные уже появились в Париже, на тротуарах Латинского квартала и платформах станций метро, где они занимаются тем, что выпрашивают у прохожих несколько франков на то, чтобы продолжать свой путь по «дороге мудрости».

И, наконец, этот «кризис молодежи», если употребить буржуазный термин, проявляется также в бессмысленном бегстве: в США

в прошлом году от родителей в неизвестном направлении убежали миллион детей. Они странствуют по дорогам без цели и средств, подвергаясь бесчисленным опасностям бродяжничества, и зачастую становятся жертвами преступников, как это было недавно в Хьюстоне, где разразилась трагедия: преступник развратил и зверски убил сорок подростков.

Быть может, это и есть истинное лицо молодежи? Или за навязчивыми, умышленно преувеличенными и почти карикатурными образами скрывается нечто другое? И если это так, то каковы причины, которые заставляют некоторых искажать подлинное лицо современной молодежи и приписывать ей черты, присущие политическому меньшинству, которое, несмотря на свой крикливый голос, не представляет все молодое поколение?

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА «БУНТОМ МОЛОДЫХ»?

Стенания буржуазных блюстителей морали по поводу «безумства» современной молодежи, их страх перед варварством «бунта», их тезис о «конфликте поколений», который якобы объясняет агрессивное поведение мятущейся молодежи, скрывают главное: глубокий, все обостряющийся кризис, которым охвачена не столько молодежь, сколько все капиталистическое общество.

И не справедливее было бы говорить не о «кризисе молодежи», а о «молодежи в кризисе», кризисе, который поразил все сферы жизни старого общества — экономическую, политическую, социальную, интеллектуальную и нравственную. Молодые люди, вступающие в жизнь, не видят иной перспективы, кроме эксплуатации, безработицы, страха перед будущим, и более обостренно, чем зрелые люди, воспринимают несправедливости и страдания, порождаемые такой системой.

Что же предлагает им капиталистическая система?

В период с 1946 по 1962 год французская буржуазия вела колониальные войны во Вьетнаме, в Алжире и жестоко подавляла национально - освободительные движения в Тунисе, Марокко и Мадагаскаре. В начале 60-х годов американские империалисты развязали кровавую войну против народа Вьетнама. Португальские колонизаторы не прекращают несправедливой, жестокой войны против народов Анголы, Гвинеи (Бисау) и Мозамбика. Империализм тщетно пытается потопить в крови свободу народов, и потому войны его заранее обречены на провал. Естественно, что молодые французы, свидетели кровавых преступлений империализма, требуют отчета от своего правительства.

В августе в центральных районах Франции были уничтожены тысячи тонн фруктов: клубники, дынь, слив и т. д. Кроме того, были умышленно испорчены тысячи тонн томатов. Почему? Чтобы сохранить «прибыльные» цены. А миллионы французов должны оставаться без фруктов и овощей, которые им не по карману. В течение пяти лет, с 1967 по 1971 год, было таким образом закопано и приведено в негодность шесть тысяч тонн фруктов и овощей.

Еще в августе парижская буржуазная печать писала, захлебываясь от восторга и умиления, о том, что некий толстосум проиграл в казино в Ницце за один вечер 350 миллионов старых франков. А в это время бастующие рабочие часового завода «Лип» добивались от хозяев гарантий, что предприятие не закроется под предлогом «нерентабельности» и их не выбросят на улицу.

В том же месяце буржуазные газеты подняли на щит новую «героиню», достойную нашего «свободного» общества,— некую Жаклин П., которая заявила, что представляет интересы проституток «Мулхауза». Она обратилась с призывом ко всем своим «сестрам» по профессии основать новое общество «сестер по духу» и открыть новые дома терпимости, которые отвечали бы всем требованиям современности, приносили большой доход и были официально разрешены. Фотографии этой особы появились в нескольких еженедельниках, и ей даже предложили выступить на телевидении. Что же тогда должны думать молодые французы о режиме, при котором подобные личности находятся в центре внимания печати и телевидения, возводятся на пьедестал почета!

Глубокие причины вызывают «кризис» и «бунт» молодежи Запада. Молодежь отвергает общество нищеты, безработицы и неисчислимых прибылей для немногих привилегированных «сильных мира сего». Она отворачивается от общества без идеалов, которое не в состоянии ни предложить ей выход из тупика кризиса, ни дать ответ на волнующие ее вопросы. Суть в том, что старое здание капитализма содрогается и уже начинает разваливаться на части.

Вот что пишет в газете «Юманите» секретарь Французской коммунистической партии Ролан Леруа: «Кризис капитализма и разложение буржуазии глубоко поразили и сам бунт части буржуазной молодежи... Сам по себе этот бунт ни в коей мере не представляет авангард общества, а является лишь своеобразной плесенью на теле угасающего капитализма...»

ГОРЬКИЙ ОПЫТ

Почему же тогда часть молодежи, враждебно относящаяся к этому обществу, пошла по неверному пути? Почему она порой все еще отказывается сотрудничать с силами, которые ведут борьбу за светлое будущее людей?

То, что называют в западной прессе «левым феноменом», самое ходячее политическое определение «бунта молодежи», не является, несмотря на притязания ее теоретиков и «специалистов» по «углублению» и «очищению» марксизма, гениальным и магическим революционным открытием наших дней. В свое время Ленин уже показал, что левый уклон и анархизм — идеологические субпродукты капиталистической системы. Сегодня, как и вчера, мелкая буржуазия, напуганная ужасами капитализма, инстинктивно прибегает к тому, что ей кажется самым «радикальным и немедленным» решением.

В последние годы государственно-монополистический капитал особенно ускорил разорение миллионов мелких производителей: крестьян, коммерсантов, ремесленников и представителей свободных профессий. Например, во Франции за период с 1956 по 1970 год были разорены или поглощены монополиями 700 тысяч мелких фермерских хозяйств. Около 500 тысяч лавочек и мастерских постигла та же участь. Приблизительно за этот же период (а точнее, с 1953 по 1970 год) число работников наемного труда возросло с 12 до 17,5 миллиона. Именно эти миллионы мужчин, женщин и их детей, выброшенные на рынок труда, вплотную сталкиваются с капиталистической эксплуатацией и приобретают опыт классовой борьбы. Условия жизни порождают у них убеждение в необходимости перемен. Чтобы обрести революционное сознание, им в то же время надо избавиться от мелкобуржуазных иллюзий и идеалов, преодолеть инфантилистские взгляды, которые могут оказывать влияние на некоторую часть рабочего класса. Это не означает, что для того, чтобы приобрести политическое революционное сознание, мелкобуржуазные слои на пути к пролетаризации должны обязательно переболеть «болезнью «левизны». Существование мира социализма, коллективный опыт международного коммунистического и рабочего движения, опыт развития партий рабочего класса в каждой стране, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, стали сегодня достаточно мощными факторами, чтобы помочь избежать подобных ошибок, а в случае необходимости быстро исправить их. Значительная часть молодежи, обманутая и втянутая левацким водоворотом в насильственные выступления, аплодировала лозунгам, которые казались ей самыми революционными. Впоследствии многие критически переоценили «романтический бунт» и убедились, что только организованная борьба в союзе с рабочим классом может принести результаты. Сегодня таких молодых людей много в ВКТ, в рядах Французской компартии. Это отнюдь не означает, что «гошизм» (как называют левацкое течение во Франции) исчез, да он и не исчезнет, пока существует капиталистическая система, откуда гошистское движение черпает силы. Но уже можно с уверенностью сказать, что мелкобуржуазное левачество теряет свои позиции среди молодежи.

Это не происходит само по себе. Прогрессивным силам приходится вести неустанную битву, которая требует постоянной бдительности в отношении происков буржуазии, стремящейся помешать молодежи пойти по действительно революционному пути.

Буржуазия не может сегодня, как прежде, открыто восхвалять капитализм, банкротство которого очевидно не только для молодых потомственных рабочих, но также и для выходцев из среды мелкой буржуазии, которая постоянно пополняет ряды рабочего класса. Именно поэтому буржуазные идеологи поощряют разного рода мистические и нигилистические течения. В то же самое время, стремясь отвлечь молодежь от правильных лозунгов, отвечающих как политической ситуации, так и реальному соотношению сил, они поощряют всякие левацкие уклоны, которые, действуя под различными вывесками — анархизм, маоизм, троцкизм, «маркузизм»,— едины в одном: в своем антикоммунизме и антисоветизме!

Но эти псевдореволюционеры уже утратили сегодня почву под ногами. Секретарь Движения коммунистической молодежи Франции товарищ Катала заявил недавно, что «теперь благодаря опыту масс, идеологической борьбе против левацких сил мы научились изолировать их влияние».

ЛИЦОМ К РЕАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ И БУДУЩЕМУ

Результаты опроса, проведенного «Юманите-диманш» среди молодых читателей, подтверждают вышесказанное. Свои мнения высказывали не только молодые коммунисты или их сторонники, но также люди самых различных взглядов. Итоги опроса по разнообразным аспектам жизни, проведенного одним буржуазным еженедельником среди молодых французов, говорят о том же: большинство из них волнуют самые острые, жизненные проблемы, в первую очередь они думают о профессии, о работе, о будущем их семей, и все они гораздо обостреннее, чем взрослые, понимают, что страх перед завтрашним днем, опасение перед будущим, которое испытывает молодое поколение в капиталистическом мире, могут исчезнуть только в результате фундаментальных перемен.

Эта битва за перемены, за новое общество, где молодежь имела бы возможность учиться, работать по специальности, где были бы гарантированы работа, устойчивая заработная плата, право на участие в построении нового общества, объединяет все прогрессивные антимонополистические силы в борьбе против эксплуатации, за демократию, за разрядку напряженности и мирное сосуществование.

На последних выборах во Франции около 11 миллионов избирателей поддержали общую программу союза левых сил, которая является выражением их требований и принципов. Молодежь многое может сделать для того, чтобы чаша весов склонилась в пользу левых сил. «Молодежь,— заявил товарищ Катала,— можно и необходимо вовлечь в борьбу за победу общей программы, которая является единственно верным путем к социализму в нашей стране. Идеи социализма могут завоевать молодежь...»

Это чрезвычайно важная и ответственная задача: кто завоюет молодежь, тот завоюет будущее. Это превосходно сознают деятели капиталистического мира, и больше, чем кто-либо другой, это понимают коммунисты, люди завтрашнего дня. Это, вероятно, объясняет, почему в этой области, как нигде, ведется самая ожесточенная борьба.

УРАЛЬСКИЕ МАСТЕРА

ПО БЕРЕГАМ ВЕЛИКОЙ КАМЕННОЙ РЕКИ

Ю. ЛУШИН
Фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

НИКАКОЙ ФАНТАСТИКИ!

До чего же щедра земля уральская на таланты. Вот хожу по Нижнему Тагилу и удивляюсь. Все мы с детства еще знаем, что в 1800 году крепостной Ефим Артамонов построил первый в мире двухколесный педальный велосипед. В местном музее я видел эту неуклюжую, с огромным передним колесом машину и попытался представить, как изобретатель ехал на ней через всю матушку Россию в Петербург, а затем в Москву — 3 000 верст. Если сейчас мы не всегда довольны качеством наших дорог, то тогда, можно сказать, их вообще не было. А он проехал, и это была лучшая реклама его детищу, которое тут же... запретили, дабы лошадей не пугать. Другой самородок, тоже крепостной Егор Кузнецов изобрел непрерывный прокатный стан, опередив современную ему технику почти на сто лет. Талантливый гидротехник-самоучка Клементий Ушков построил канал и целую гидротехническую систему, которые действуют и в наше время. Федор Шептаев изобрел листопрокатную машину, Степан Козопасов — штанговую. Братья Ефим и Мирон Черепановы, памятник которым стоит в центре города, построили железную дорогу и паровоз, на котором возили медную руду...

Все эти примеры удивительного мастерства вспомнились мне, когда я отправился знакомиться с Нижне-Тагильским металлургическим комбинатом и вагоностроительным заводом. С некоторой ревностью и опасением я думал о том, удастся ли мне услышать о примерах подобного же мастерства теперь. Конечно, я знал, что слава уральских металлургов гремит далеко за пределами нашей страны, что заводы оборудованы по последнему слову техники. Но это так обычно в наше время, а мне хотелось удивиться чему-то необыкновенному... Однако опасения мои были совершенно необоснованны. Тагильчане первыми применили высокотемпературное дутье постоянной влажности на домнах и кислород в мартеновской плавке, первыми построили большегрузный кислородный конвертор и освоили выплавку ванадиевого чугуна, выпуск облегченных профилей проката и непрерывный способ производства синтетических смол, первыми в мире организовали объемную закалку рельсов, положив начало новому четвертому переделу — термической обработке проката... Было чему удивиться. На вагоностроительном заводе секретарь парткома Анатолий Александрович Волгов рассказывал:

— Сейчас мы выпускаем каждый третий вагон в стране и, не останавливая производства, коренным образом реконструируем завод. Уже запустили первую в стране автоматическую линию по выпуску вагонных осей. Со временем подобных линий будет у нас около полусотни.

Мы шли в тот момент мимо танка, стоявшего на постаменте у проходной завода, и я спросил:

— Память о войне?

— Да, — ответил он. — Это последний танк, выпущенный заводом. Фронту он уже не понадобился. Вы, наверное, много слышали хорошего о Т-34, но такого, уверен, еще не знаете. Этот вот танк стоял на пьедестале четверть века — и в летнюю жару, и в дождь, и в снег, и в морозы. Не так давно потребовалось нам передвинуть его и водрузить на другой постамент. Только как это сделать? В сорок пятом он шел своим ходом на последнюю стоянку. Рабочие, узнав о предстоящем событии, в один голос заявили: «Он и сейчас сам пойдет, мы за свою работу отвечаем». И что же вы думаете? Залили баки горючим, и танк пошел как ни в чем не бывало.

— Это не на вашем ли заводе родилось меткое присловье: мастерами из Тагила фашистам роется могила?

— На нашем, — довольно засмеялся Волгов. — Я сейчас познакомлю вас с одним из таких мастеров, а уж вы сами судите, тот ли это человек, которого ищете.

— Чем же он знаменит?

— Изобрел «вечную» футеровку электросталеплавильных печей.

— Как это «вечную»?

— Сейчас узнаете...

В литейном, как на смотру, выстроились в ряд электропечи. Плавки шли быстро, и то одна, то другая выпускала в ковш раскаленный металл. От этой непрерывности казалось, что сам воздух здесь багрового цвета и состоит как бы из искр и сполохов, что придавало цеху какой-то праздничный вид. И только сталевары могли сказать, каким трудом дается тот праздник. Подошел человек, которого мы

В последние полвека Свердловск превратился в мощный индустриальный и культурный центр.

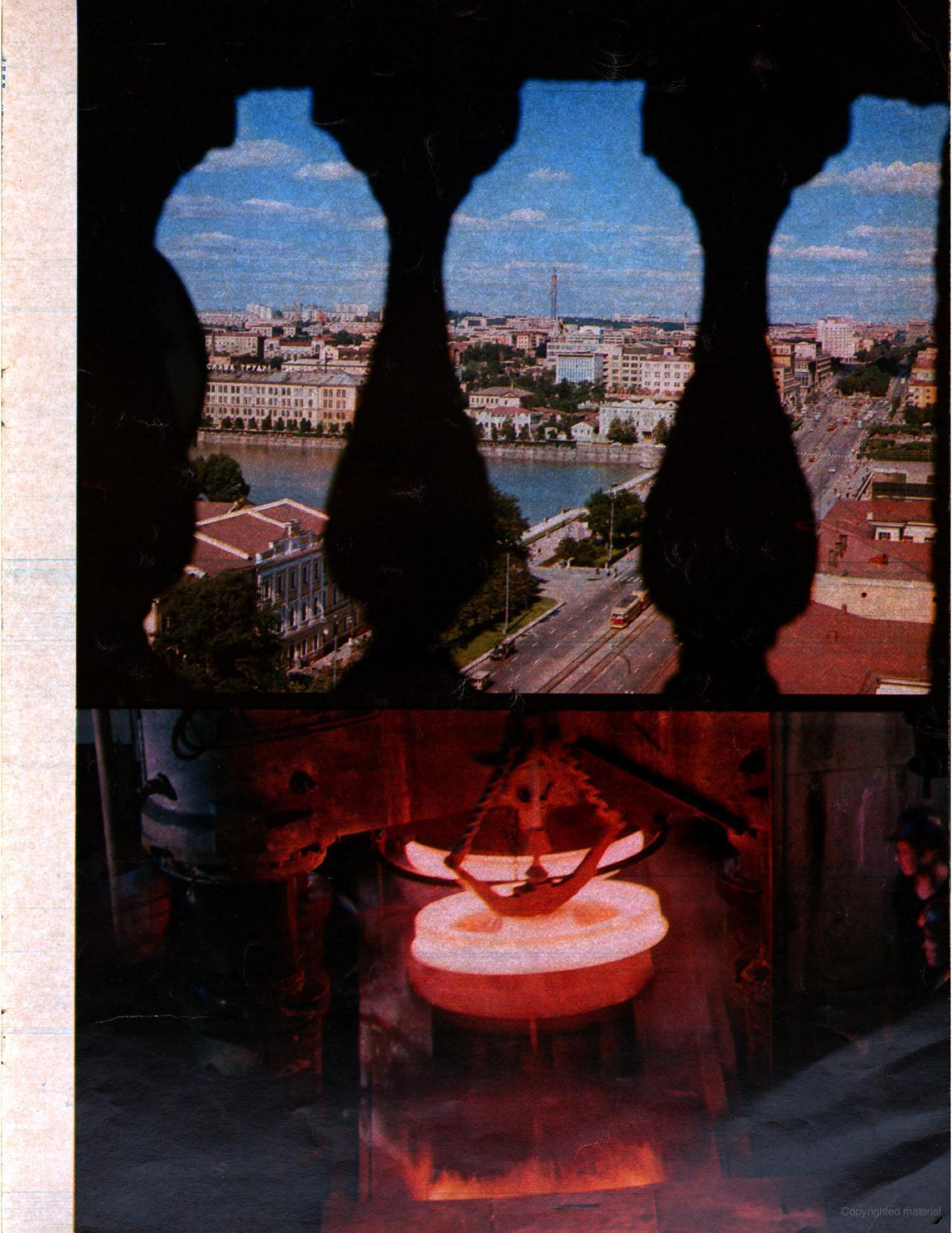
Огонь и металл. От чугуна и первосортных сталей до сверхточных станков и аппаратов — все производит Урал. На снимке колесно-прокатный стан Нижне-Тагильского металлургического комбината.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Дорогой читатель, посмотри внимательно на снимок, помещенный в центре вкладки. Вглядись в торжественные и чуть смущенные этой торжественностью лица. И, быть может, ты тоже проникнешься атмосферой праздничности, в которой проходил первый слет рабочих династий «Уралмаша». На снимке лишь некоторые из них, лишь малая часть из 1 700 уралмашевских династий. Главы династий пришли сюда с детьми, внуками и даже правнуками. Многие из них возводили улицы, по которым шагали в тот день к Дворцу культуры, строили «Уралмаш». О некоторых из них наш журнал писал.

Именем династии Корниенко названа одна из буровых установок, которую глава семьи собирал вместе с сыновьями, а вообще эти установки знают не только буровики Тюмени, Баку и Коми АССР, но и Польши, Алжира и многих других стран. И в тот памятный день на слете бригада слесаря-сборщика Ивана Федоровича Корниенко взяла обязательство выполнить пятилетку за 4 года 10 месяцев и тут же вызвала на соревнование династию Константина Яковлевича Маслия, известного на «Уралмаше» зубореза.

Вглядись, читатель, в эти лица. Они слава и гордость «Уралмаша».

СЛАВА ТРУДУ

династия

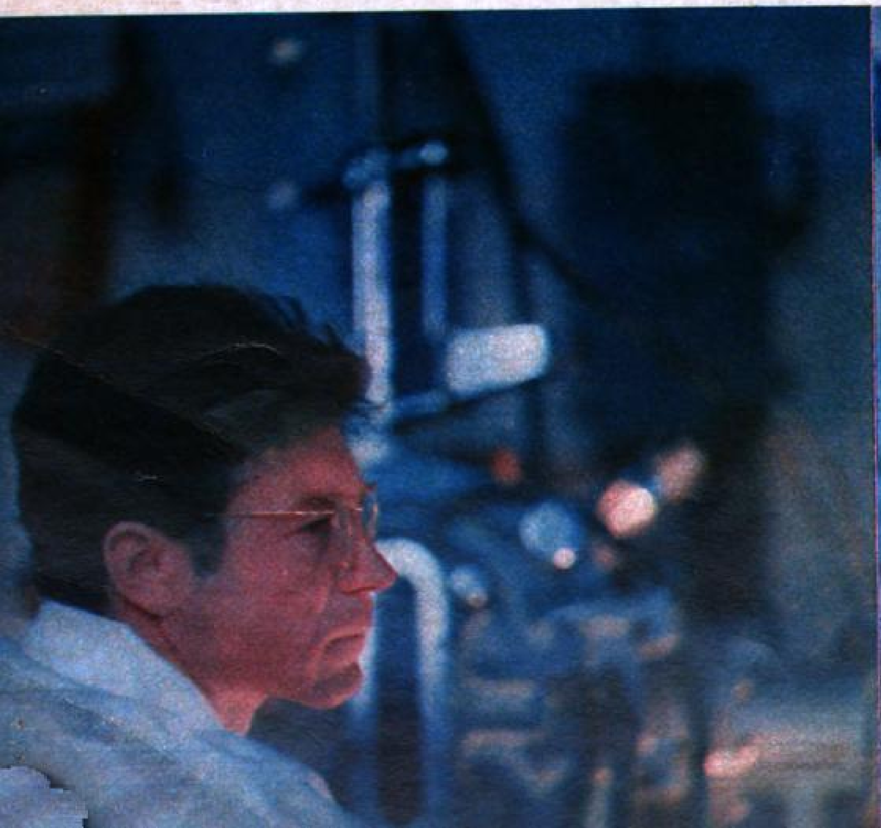

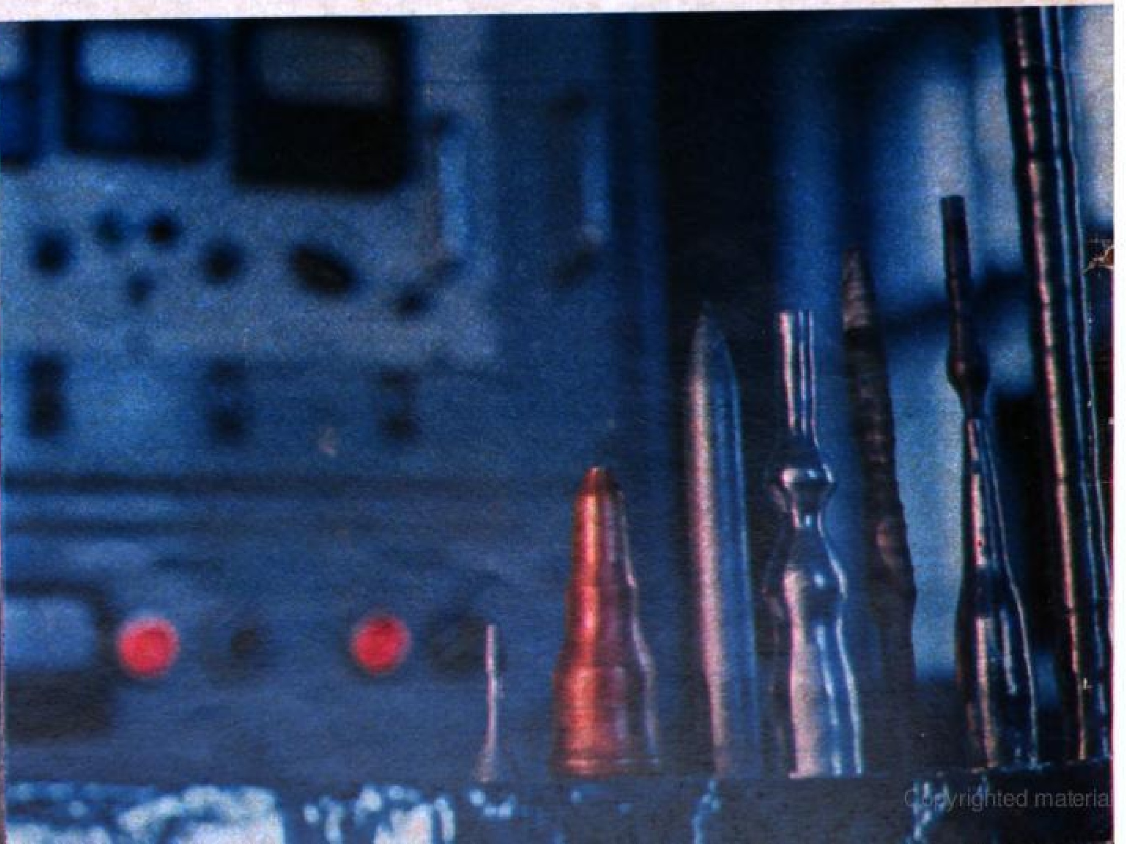

ждали,— Степан Яковлевич Барин, старший мастер цеха электропечей. Посмотрел не очень-то приветливо на нас, потому как гости в работе, известно, не помощники, но, почувствовав нашу явную заинтересованность, подобрел, заговорил:

— При обычной футеровке огнеупорным кирпичом электропечь, выдав с полсотни плавок, приходилось останавливать на холодный ремонт — футеровка больше не выдерживала. Что такое холодный ремонт? А то, что после двух-трех недель работы печь должна была сутки остывать, потом целую смену ее очищали, еще смену делали новую футеровку и так далее. При этом была занята целая армия народу, терялась уйма времени, ломался ритм работы, потому что печь могла выйти из строя и в середине недели и вообще в любой момент. Теперь же все наши печи футерованы новым способом и вместо двух недель работают в среднем восемь — десять лет без остановки на холодный ремонт.

— Фантастика. В чем же соль нового метода?

— Никакой фантастики,— продолжал Барин,— все довольно просто, а суть нашего метода изложена вот здесь.— И он протянул мне «Инструкцию по приготовлению огнеупорных пластических масс и футеровке стен электросталеплавильных печей».

Возможно, сталевары будут читать «Инструкцию» залпом, но, имея в виду чрезвычайную ее специфичность, я отваживаюсь все же передать ее смысл своими словами. И даже не столько это, сколько путь Барина к его открытию «вечной» футеровки. Он хоть и сказал «наш метод», но явно поскромничал. В конце концов только ему одному присвоили за это звание Героя Социалистического Труда...

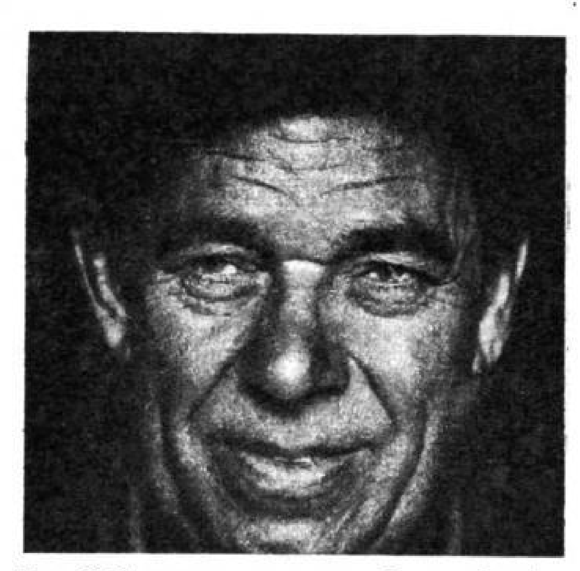
Барин приехал на Урал осенью 1941 года в составе эвакуированного сюда Харьковского тракторного завода, чтобы наладить производство оружия для фронта. И у себя в Харькове и здесь он работал сталеваром, и, конечно, все прелести старой футеровки были ему известны. До чего же обидно останавливать печь в самый разгар работы, когда знаешь, что на фронтах товарищи ждут от тебя танков! Люди совершали, казалось, невозможное, выдерживали по две смены тяжелейшей работы, но не выдерживала футеровка, а без нее сталь не сваришь. Однажды, наклоняя печь, Барин заметил, что часть футеровки отвалилась. Для выпуска плавки время еще не приспело, и он, набрав в лопату смесь магнезита, огнеупорной глины и жидкого стекла, заляпал, как штукатуркой, поврежденное место. Он и раньше применял этот способ, когда не было иного выхода. Но в тот раз произошло нечто необычное. Заплата после выпуска стали продолжала держаться, и Барин рискнул провести вторую плавку. И благополучно провел. Когда же печь остановили на холодный ремонт и он попытался разломать залатанное место, это удалось ему не сразу, с трудом. Случай тот зародил кое-какие мысли. Он стал пользоваться своим приемом чаще, но результаты всегда были разными.

Барин принялся анализировать и понял, что не так-то просто добиться того, на что надеялся. Но мастер был уже весь во власти своей идеи: он хотел повысить стойкость футеровки в десять, а может, и в двадцать раз. Дальше загадывать было страшно.

...Кончилась война. Отошли в прошлое фронтовые вахты, завод снова перешел на выпуск довоенной продукции — железнодорожных вагонов. Барин по-прежнему варил сталь, только

Герой Социалистического Труда Анатолий Еремеевич Бояринцев.

Герой Социалистического Труда Степан Яковлевич Барин.

теперь уже не броневую. И по-прежнему всех сталеваров мучила нестойкая футеровка печей. Теперь-то самое время попробовать, решил Барин. Идея была в общем-то проста: заменить кирпичную футеровку стенок печей смесью магнезитового порошка с жидким стеклом. О примерном соотношении составляющих, как тогда казалось Барину, он тоже догадывался. «Кирпич чем нехорош?—рассуждал он.— На поверхности нагревается до полутора тысяч градусов, когда же начинается холодная закалка, то он стремительно охлаждается и из-за резкого падения температур начинает скалываться. А масса магнезита монолитна, ударов не боится, и нагрев у нее равномерный...» Своими мыслями он поделился со сталеварами, но энтузиазма не встретил.

— Брось ты это дело, Степан,— говорили некоторые,— веками футеровали кирпичом. Неужто никто без тебя не додумался бы до этого, если б все так просто было?

Барину и самому приходили тогда такие же мысли. И все же решил посоветоваться с технологом. В ответ последовал письменный разгромный отзыв. Однако выводы технолога его не убедили, но, чтобы доказать свою правоту, нужны были знания. И он решил учиться. Дочка к тому времени пошла в первый класс, он тоже сел за парту. Потом окончил курсы мастеров, затем — техникум. Теперь он и сам видел, какую тяжкую ношу взвалил на свои плечи, какая сложность таится в кажущейся простоте, но не в его привычках было поступаться тем, во что верил. Барин продолжал искать единомышленников и обнаружил одного из них в лице начальника цеха Григория Петровича Демина. Тщательно обсудив все «за» и «против», решили приступить к эксперименту.

И сразу же Барина постигла неудача. Смесь не хотела держаться на стенках, осыпалась. Эксперимент прекратили на целых полтора года. Но это не было отказом от идеи. Теперь, несмотря на неудачу, в идею верил уже не один Барин. И вот снова начался эксперимент. Для того, чтобы предохранить от разрушения еще не затвердевшую массу, подина и стены печи покрывались листовым железом, после чего шихту загружали осторожно, опасаясь сразу повредить стены.

Все как будто бы получалось. Футеровка выдержала обычные пятьдесят плавок, потом сто, потом двести и не осыпалась. Постепенно на новый метод переводились остальные печи, хотя случались иногда и срывы. Случалось, старые сталевары бросали лопату, отказываясь работать по-новому. Барин превращался тогда в дипломата. Он верил в свой метод и всеми силами вселял свою веру в других. Испытывались различные варианты футеровочных масс, все меньше становилось неизвестных. Горячими сторонниками и помощниками стали для Барина Федор Мацкевич, Михаил Сазонов, Андрей Никитин, Василий Федоров, Виктор Арефьев, Николай Семенов и многие другие сталевары. И вот наступил день, когда одна из печей выдала двухтысячную плавку и продолжала работать. Это казалось невероятным. На заводе собрался торжественный митинг. Две тысячи! А ведь еще совсем недавно после пятидесяти плавок печь останавливали. Это превзошло самые смелые расчеты Барина, но теперь он мечтал уже о десяти тысячах плавок без остановки на холодный ремонт. И верил, что новая футеровка выдержит такую нагрузку, хотя многие и тогда еще продолжали считать его фантазером. Но он не обижался, говорил: «Подождем, время рассудит!»

И время рассудило. Проходил год за годом, а печи продолжали безостановочно плавить металл. Рубеж, казавшийся недосягаемым,— 10 тысяч плавок, был превзойден. Весть о новом методе футеровки перешла рубежи нашей Родины. Барин ездил передавать свой опыт сталеварам ГДР, Венгрии, Чехословакии. В Праге на заводе ЧКД печь номер три назвали в его честь печью чехословацко-советской дружбы.

...Кто-то назвал футеровку Барина вечной. Право, тут мало преувеличения.

Академик Сергей Васильевич Вонсовский — глава уральской науки, председатель президиума Уральского научного центра АН СССР. В одном из институтов этого центра — Институте физики металлов (снимки внизу) работают установки по выращиванию кристаллов кобальта, никеля, меди, молибдена.

На предприятиях Свердловска создается мощное электрооборудование и сверхгабаритное оборудование для различных отраслей промышленности.

ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО!

Наверное, через два, три десятка лет это не будет уже так удивлять, наверное, станет вполне обыденным. А теперь, собираясь в Полевской к Анатолию Еремеевичу Бояринцеву, я ломал себе голову над тем, как бы потактичнее задать вопрос, который занимал меня. Математик Бояринцев готовит к изданию задачник по теории простых чисел, публикует свои работы в научных журналах, его имя наряду с именами других ученых упоминает польский академик В. Серпинский в своем труде по математике. Но ведь Бояринцев вообще-то не математик, а рабочий криолитового завода, аппа-

Э. Цесарская — Аксинья и А. Абрикосов в роли Григория.

ПЕРВАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ «ТИХОГО ДОНА»

Киноленты прошлых лет... Как хорошо, что наше телевидение время от времени знакомит зрителей со старыми фильмами, выпущенными на экраны сорок, пятьдесят лет, а то и более полувека назад.

Незабываемые страницы. В них — история советской кинематографии, история нашей жизни. Как ни быстротечно время, однако десятилетия не в силах лишить нас, я бы сказал, той первозданной радости, которую мы испытываем при встречах с лучшими лентами экрана.

К числу таких кинопроизведений относится фильм «Тихий Дон», снятый Союзкино сорок два года назад. Это была первая экранизация первой книги уже тогда известного всему миру романа. Автору «Тихого Дона» в ту пору шел двадцать шестой год. В газетах сообщалось, что новый фильм консультировал Михаил Шолохов.

Совсем недавно немая картина «Тихий Дон», озвученная в 1933 году, была показана по телевидению. Думается, что в этот вечер 1973 года у старого, но столь знаменитого фильма были миллионы и миллионы зрителей.

Вся тональность картины, ее изобразительные средства, а главное, люди, донские казаки, их самобытный, казалось бы, раз и навсегда установленный железный распорядок жизни, все, что разворачивается на экране и властно берет в свою художественную орбиту,— свидетельство непреходящего творческого успеха авторов сценария и режиссеров фильма О. Преображенской и И. Правова. Созданное ими выдержало самое трудное испытание — испытание временем. И прежде всего потому, что постановщики и актеры, сыгравшие в фильме, глубоко, проникновенно прочли роман и остались верны каждой его интонации.

В свое время в печати было высказано много хорошего в адрес исполнителей артиста Андрея Абрикосова, снимавшегося в роли Григория Мелехова, и популярной в тридцатые годы артистки Эммы Цесарской, создавшей на экране Аксинью Астахову.

Прошло столько лет, и люди моего поколения вновь испытывают огромное наслаждение от встречи с давно полюбившимися героями.

Нет, от пелены минувших годов картина о донских казаках не только не потускнела, а, как бы уподобившись старому, доброму вину, явила нам свою истинную недюжинную силу, над которой уже не властно время. Казалось, А. Абрикосов был рожден для роли Григория. Молодой, скуластый, с чуть раскосыми, жестковатыми глазами, пружинисто сильный, весь ощетинившийся в защите своей несказанно счастливой и «незаконной» любви,— таким явил нам главного героя тогда еще молодой, ярко одаренный артист. Это была такая творческая победа, когда героя нельзя, невозможно отделить от актера.

Под стать Григорию на экране жила, как говорили в старину, натуральная казачка из донского хутора, молодая, обворожительная Аксинья. Трудно было переоценить обаяние и проникновенность талантливой исполнительницы этой роли актрисы Э. Цесарской.

Навсегда остались в памяти сцены первых встреч Аксиньи с Григорием, отъезд казаков на лагерный сбор, свадьба Григория, которого Пантелей Прокофьевич Мелехов женит на скромной и красивой Наталье — дочери станичного богатея Коршунова, ссора Григория с отцом и его уход вместе с Аксиньей в имение помещика Листницкого, к кому гордый Григорий вынужден идти в батраки, начало войны с Германией, уход казаков на фронт, сцены последующих встреч излечившегося после тяжелого ранения фронтовика Григория Мелехова с Аксиньей и помещичьим сынком, офицером Евгением Листницким (артист С. Чурановский)...

Нелегно поведать обо всем, чем пленяет нас первая экранизация «Тихого Дона». Свою лепту в успех киноленты внесли и другие участники фильма, известные артисты Р. Пужная (Наталья), Е. Максимова (Дарья), И. Быков (Гаранджа), В. Ковригин (Прокофий Мелехов), А. Громов (Петр), Г. Ковров (Степан Астахов)...

От души хочется сказать телевидению спасибо за нашу встречу с прекрасным — искусством большой человеческой правды, искусством одухотворенным и потому вечным.

Михаил АНДРИАСОВ

ратчик и математикой занимается, как принято говорить, в свободное от работы время.

— Раз вы так любите математику,— спросил я его,— то почему бы вам не уйти с завода, допустим, в институт?

Он иронически улыбнулся и ответил, слегка заикаясь:

— Мне предлагали, но я отказался.

— Почему же? — сказал я, не заметив, что спрашиваю то же самое второй раз.

— Но, согласитесь, работая в институте, мне никак не удалось бы в свободное время работать еще и аппаратчиком. А если серьезно, то почему вам не придет в голову, что я просто люблю свою профессию? — Я не нашелся, что ответить, и Бояринцев продолжал: — Впрочем, лукавить не буду. Математикой я увлекся еще в детстве, а когда окончил школу, поступил на физмат Свердловского университета. И если бы не война, которая помешала закончить образование, то неизвестно еще, как бы сложилась моя судьба. Но с четвертого курса я ушел на фронт.

— Вы о чем-нибудь сожалеете?

— Вы неправильно поняли меня. Возможно, я стал бы преподавателем или занялся теоретической математикой, но тогда целый удивительный мир рабочего коллектива прошел бы мимо меня. Я вас уверяю, что этот мир ничуть не беднее духовно, чем мир ученых. Я знаю рабочих, которые серьезно занимаются музыкой и даже сочиняют ее, я знаю тех, кто пишет стихи, занимается живописью. Да что тут говорить! Рабочий в нашей стране — имя гордое, перед ним открыты все дороги. Я счастлив, что ношу звание рабочего.

— Как вы стали им?

— С фронта я вернулся без профессии, с тяжелым ранением, едва не лишившим меня речи,— с тех пор и заикание. Куда податься? Согласитесь, что в таком положении легко впасть в отчаяние и потерять веру в себя. Продолжать учебу? Но я казался себе слишком старым для математики. Я колебался, не знал, что делать, и чувствовал себя всеми забытым. Но я ошибался. Меня не забыли и предложили работу аппаратчика на криолитовом заводе. Я согласился.

— А если бы предложили поступить на другое предприятие, согласились бы?

— Наверное, согласился. Но счастлив, что случилось именно так. Вероятно, склонность к математике неосознанно жила во мне и в то кризисное время. Профессия же аппаратчика требует точного расчета, внутренней логики и дисциплины, совсем как математика. Я увидел в работе аппаратчика как бы математику в действии и полюбил ее. Я нашел свою мечту и был счастлив.

— Но впоследствии вы все же снова вернулись в университет?

— Правильно, вернулся, но учился заочно. Поймите, я не мог уже бросить свой завод, оставить коллектив, с которым сжился за многие годы совместной работы, который сделал меня таким, какой я сейчас есть, который рекомендовал и принял меня в партию, благодаря которому я стал потом Героем Социалистического Труда. По закону мне, как химику, хоть сейчас можно выйти на пенсию, а она будет не маленькой, и заняться единственно математикой. Но я рад, что могу еще работать и приносить пользу заводу. Работая, я чувствую свою сопричастность с судьбой страны так же, как чувствовал ее, защищая от врагов. Когда я снова поступил в университет, а затем в аспирантуру без отрыва от производства, многие спрашивали меня: зачем это вам, у вас семья, трое детей, забот полон рот? Я пытался им объяснить, что это не просто чудачество, а внутренняя потребность, но они не верили — что-то тут не так. А потом снова удивлялись, когда, закончив аспирантуру, я с завода не ушел.

— Но согласитесь, Анатолий Еремеевич, что не так часто приходится встречать рабочего, окончившего аспирантуру?

— Пока да, но пройдет некоторое время, и этому удивляться не будут, потому что рабочий с высшим образованием станет фигурой не такой уж редкой. Постоянно растущая механизация и автоматизация производства, усложнение машин и станков приведут к тому, что рабочему потребуются более глубокие и фундаментальные знания—на уровне техника и даже инженера. Но самое главное — в социальных условиях нашего общества, в его принципах, одним из которых является принцип духовного совершенствования человека. Это ведь прекрасно, когда человек может мечтать и беспрепятственно идти к своей мечте. Я, например, поставил перед собой цель — составить задачник по теории простых чисел. Это заставило меня учиться дальше. Однажды, когда я не думал еще о возвращении в университет, мне попались на глаза старые конспекты лекций по математике. Я стал читать их, увлекся, и настолько сильно, что в течение года ничего другого не читал, а занимался только решением задач по теории чисел. Я решил поехать в Свердловск и показать свои работы профессору Петру Григорьевичу Канторовичу, авторитету в теории простых чисел. Он посмотрел их и сказал: «Молодой человек, вы неплохо справились с этими задачами, но они решены еще в XIX веке». «Я этого не знал»,— растерялся я. «Чтобы знать, нужно учиться». «Поздно мне»,— отвечаю. Профессор рассмеялся: «Поздно, говорите. Я вот на двадцать лет старше вас, а все равно учусь тому, чего не знаю. В диалектике есть положение о бесконечности развития. Так вот, учиться и совершенствоваться можно бесконечно...»

После этого я поступил в университет, но не затем, конечно, чтобы уйти с завода. Одно другому не мешает.

— Что вы считаете главным в жизни?

— Жить со смыслом. Иметь цель и идти к ней.

— Каким вы представляете себе общество будущего?

— Это такое общество, в котором не будет нераскрытых человеческих способностей.

Я хотел ему сказать, что в таком случае он уже человек будущего, но промолчал, представив, как иронически поглядит на меня Бояринцев...

В. ВАРЖАПЕТЯН

ИСТИНА СТРАСТЕЙ

На столе лежит раскрытый блокнот, исписанный прилежным женским почерком. Новая работа народной артистки СССР Окюмы Аббас Али кызы Курбановой — роль Сехар в пьесе С. Вургуна «Человек». Всего три странички. А ведь в ее репертуаре были роли огромные — Ширин и Жанна д'Арк, Хаят и Мария Тюдор, Гермиона и Клеопатра! За работу над «Антонием и Клеопатрой» актриса удостоена республиканской премии имени М. Ф. Ахундова.

Художник спектакля Таир Салахов создал очень красивые эскизы для костюма Клеопатры, настоящие царские одежды. Но Курбанова попросила его сделать костюм без всяких украшений, выразительный, но простой, чтобы он не «отвлекал» внимание зрителя. Такой костюм был найден — черная шерстяная туника, перехваченная кожаным поясом с крошечным кинжалом. И грим был простой—губы бледные, впалые щеки, глаза огромные. Но уже первый жест не оставлял сомнения — перед тобой «змейка нильская», владычица Египта, не терпящая соперничества ни в царствовании, ни в любви.

— Помните, гонец приносит весть, что Антоний женился на Октавии? — спрашивает меня Окюма-ханум.— Я тогда сказала режиссеру Тофику Кязимову, что убью гонца, если кто-нибудь мне не помешает. Мы долго искали «помеху» и наконец нашли. Когда гонец говорит: «Царица, он женился», — разгневанная Клеопатра выхватывает кинжал, но служанка обнимает ее ноги, сковывая яростный порыв...

А жизнь могла сложиться так, что осталась бы Окюма Курбанова по другую сторону занавеса, если бы однажды режиссер Джабарлы не увидел в витрине фотоателье портрет красивой девушки, а несколько месяцев спустя тот же портрет в фойе консерватории, где Окюма училась на фортепьянном отделении. Джабарлы пригласил ее на кинопробу. Он снимал тогда на Бакинской киностудии фильм «Алмас». Окюма стала тридцать третьей и самой удачливой претенденткой на роль Яхши.

— Почему вы не остались в кино?

— Наверное, потому, что роль, сыгранная киноактером, уже не принадлежит ему. Она начинает жить самостоятельно, на экране, и ты бессильна что-либо исправить, ты отлучена от роли. А театр — это постоянная работа над образом, бесценная возможность совершенствовать его.

Окюма Курбанова выбрала сцену. Театр стал ее университетом, замечательные мастера Азиза Мамедова, Фатьма Кадри, Марзия Давудова, Барат Шекинская, Соня Гаджиева — отзывчивыми, но строгими учителями. Большую роль в формировании актерского дарования Курбановой сыграл, конечно, и главный режиссер театра народный артист СССР Адыль Искендеров. Он заботился прежде всего о становлении ее актерской личности. Искендеров глубоко понимал слова Владимира Немировича-Данченко о том, что слава актера, репутация его складываются не по количеству сыгранных им ролей, а по числу только созданных им ролей...

Такой созданной ролью стала Гермиона в «Зимней сказке» Шекспира. Режиссер Агакиши Кязимов рассказывал мне:

— Я счастлив, что видел Окюму-ханум в этой роли. Это был праздник для всех, кто любит театр! Пластическая разработка этой роли совершенна. Величественная осанка, лаконичность жестов, но зал каменел от напряжения, чувствуя напор страстей в каждом жесте, в каждом взгляде. А ее шепот — он бросал в дрожь, он заставлял зрителей вставать! В сцене суда Гермиона, несправедливо обвиненная в злодействе, стоит неподвижно — десять минут неподвижно! — а вокруг суетятся, шмыгают, злословят. А она стоит, отрешенная от этой суеты, неподвластная ни злу, ни наговорам. Это был замечательный спектакль. В нем играли лучшие актеры, но я их не видел, не помню, помню только Курбанову.

Агакиши остановил меня посреди улицы, жестикулируя и мучаясь обыденностью слов, словно он вышел из зрительного зала только что, а не восемнадцать лет назад.

На следующий день я спросил актрису:

— Окюма-ханум, наверное, Гермиона — одна из ваших любимых ролей?

— На этот вопрос трудно ответить и «да» и «нет». Станиславский любил говорить: быть беременным ролью. Это очень точное сравнение, ведь роль действительно вынашиваешь, как ребенка. А разве для матери не все дети любимые? Хотя в моей жизни была роль, которую я поначалу боялась играть,— Хаят в очень интересной пьесе М. Ибрагимова «Хаят».

Когда Адыль Искендеров предложил мне эту роль, я наотрез отказалась. Нет, нет, нет! Мне казалось, что это не моя роль. Я умоляла, плакала. А он стоял на своем. «Окюма, ну попробуй ради меня. Ну, просто вызубри роль. А там посмотрим». Он хитрый был, Искендеров, знал, что я не могу просто вызубрить роль. Я села за пьесу и стала «плести кружева». Исчеркала всю роль, каждый эпизод пережила, каждую паузу продумала. Укладываю спать дочку, мою посуду, а в голове — Хаят. И знаете, очень хорошо пошла роль. И я ее полюбила.

Не сразу полюбила актриса и одну из своих первых ролей — царицы Марьям («Фархад и Ширин» С. Вургуна), а полюбив, создала образ удивительной мощи и драматизма. Царица, смертельно оскорбленная изменой, идет войной на вероломного супруга. Вот она, облаченная в доспехи, взбегает на холм, чтобы с мечом в руках защитить страну и свою честь. На одном из спектаклей Курбанова — Марьям так стремительно взлетела на холм, что не удержалась и упала. И потеряла сознание. Очнувшись, она увидела вокруг испуганных военачальников. И первая мысль была — где щит? Поразительно в этом эпизоде, что, даже потеряв сознание, актриса не «выпала из образа» — настолько полным было перевоплощение. Это ли не истина страстей?

...А ветер с Каспия перелистывает страницы блокнота, словно пытаясь прочитать слова Сехар.

Пьесу «Человек» ставит известный режиссер, профессор Мехти Мамедов, поставивший в последнее время «Живой труп» Л. Толстого и «Хайяма» Г. Джавида и сыгравший в них главные роли. И в «Человеке» он играет героя—философа Шахбаза, попавшего в плен к фашистам.

— Театр уже ставил эту пьесу Самеда Вургуна в первые послевоенные годы. Сейчас, когда готовится ее второе рождение, зритель вправе ожидать, что новое обращение к пьесе будет и новым ее прочтением. Вы согласны?

— Конечно,— ответил Мамедов.— В новой постановке «Человека» акценты расставлены иначе. Тогда, сразу после победы, многим казалось, что с фашизмом покончено навсегда. Но как идеология, как философия фашизм оказался гораздо живучее государственной системы. Борьба продолжается и сейчас, сегодня. Мы постараемся раскрыть гражданский пафос «Человека», показать всю глубину гуманистического содержания пьесы.

И в первой постановке роль жены философа Шихбаза Сехар предлагали Курбановой. Тогда она отказалась — слишком жива была война в памяти, в утратах. Теперь согласилась.

— Это маленькая роль, всего несколько десятков строк в прологе и финале пьесы. Это — обрамление спектакля, рамки, скобки, заключающие действие. Вы были в Волгограде? Видели Мамаев курган? Представьте Мамаев курган. К нему пришли ветераны, фронтовики, однополчане. Приезжает и Сехар с сыном, тоже философом, как отец. Сехар (она композитор) привезла с собой симфонию — реквием павшим.

Седая женщина в строгом платье и распахнутом плаще. И обязательно длинный легкий шарф, он должен подчеркнуть текучесть движения, времени... Сехар—Курбанова идет на авансцену, к роялю. Останавливается и таким движением (как описать это движение, неуловимое, но зримое, перерождающее человека, меняющее его внешность и строй души?) снимает парик и вместе с плащом кладет на крышку рояля. Всего одно движение, но оно возвращает ей молодость, отодвигает войну и предстоящие испытания. Конечно, можно было просто погасить свет и разгримироваться за кулисами, но будет потерян ритм, темп действия, а надо, чтобы непрерывно, напряженно. Так начинается спектакль.

...Вечером я сижу в пустой кофейне «Девичья башня», пью крепкий кофе и беседую с директором — он здесь и повар и официант. Он уже знает, зачем я приехал в Баку, и рассказывает мне, какая замечательная актриса Окюма-ханум.

Все, с кем я говорил, могли часами рассказывать о Курбановой,— и режиссеры, и актеры, и заведующий труппой, и сотрудники театрального музея, и контролер Мария Ефимовна, почти сорок лет стоящая у входа в зрительный зал, и каменотесы, реставрирующие древнюю мечеть, и старый продавец гранатов, которого я встречал каждый раз, идя в театр. И в этом дружеском участии глубокий смысл. Ведь не просто Указ о присвоении звания сделал Окюму Курбанову народной актрисой, а любовь и благодарность народа, которому принадлежат ее талант, ее искусство.

Третья очередь комбината.

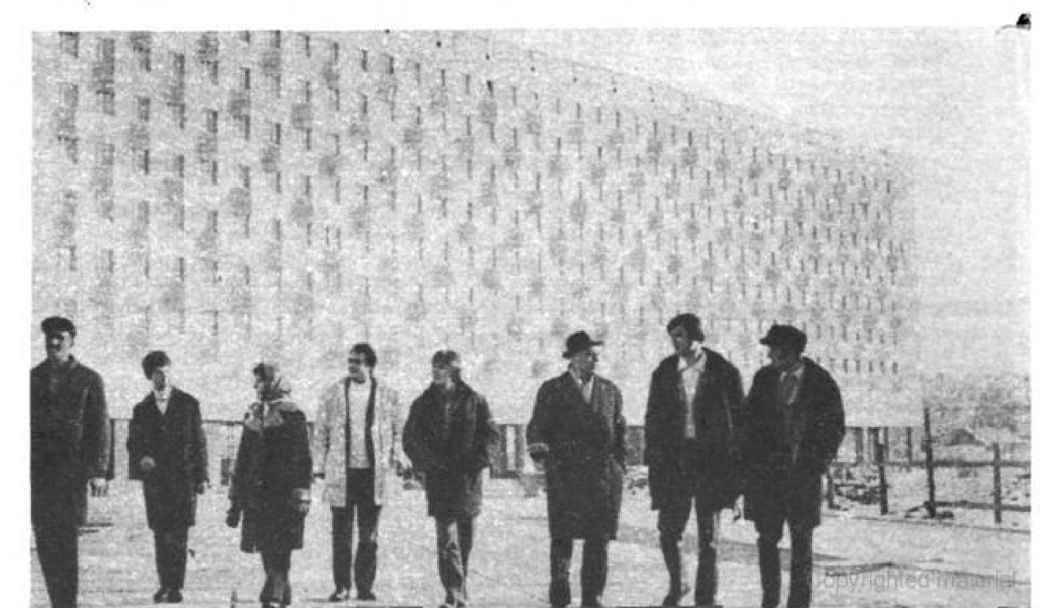
Каждый второй школьник нашей страны пишет в тетрадях, сделанных на Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате. Предприятие расширяется. В соответствии с Комплексной программой социалистической экономической интеграции в сооружении третьей очереди комбината участвует Народная Республика Болгария. Корреспонденты «Огонька» Д. УХТОМСКИЙ и Б. ЛАБУТИН побывали на этой стройке.

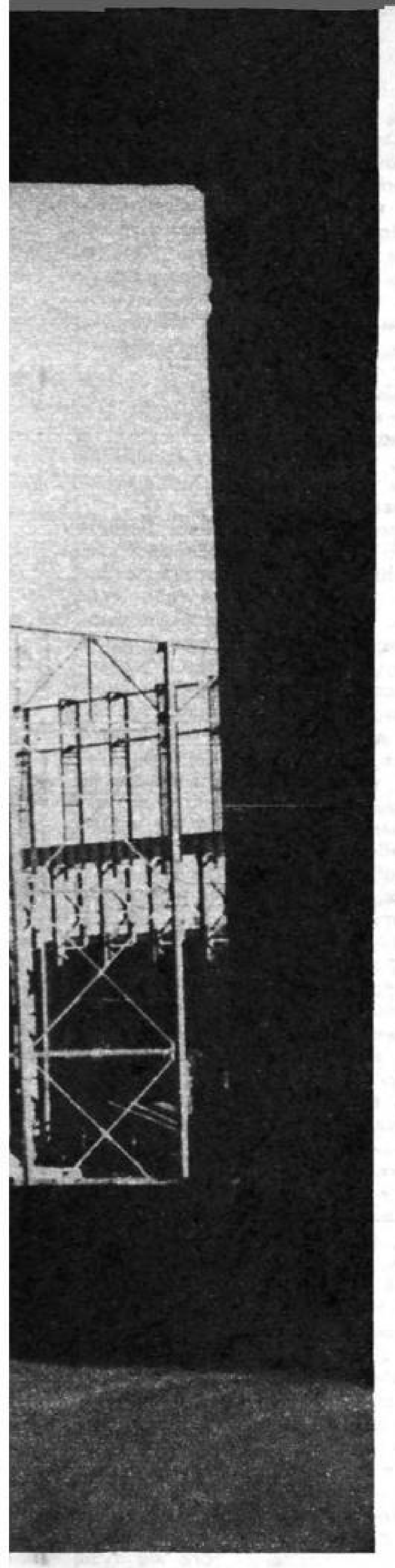
БОЛГАР

Друзья, коллеги Виктор Ярусов и Петр Филев.

Архангельск, проспект Виноградова. «В этом доме мы вели отделочные работы»,— говорит Иванка Лаловска...

СЭВ В ДЕЙСТВИИ

В поселок Первомайский, где расположился комбинат, мы приехали очень удачно. Неделя выдалась богатая событиями: открывался музей дружбы, на субботу была назначена двухсотая по счету советско-болгарская свадьба, а прораб Христо Лаловски принимал новый участок. Христо — один из трех тысяч болгарских строителей, которые трудятся здесь, под Архангельском.

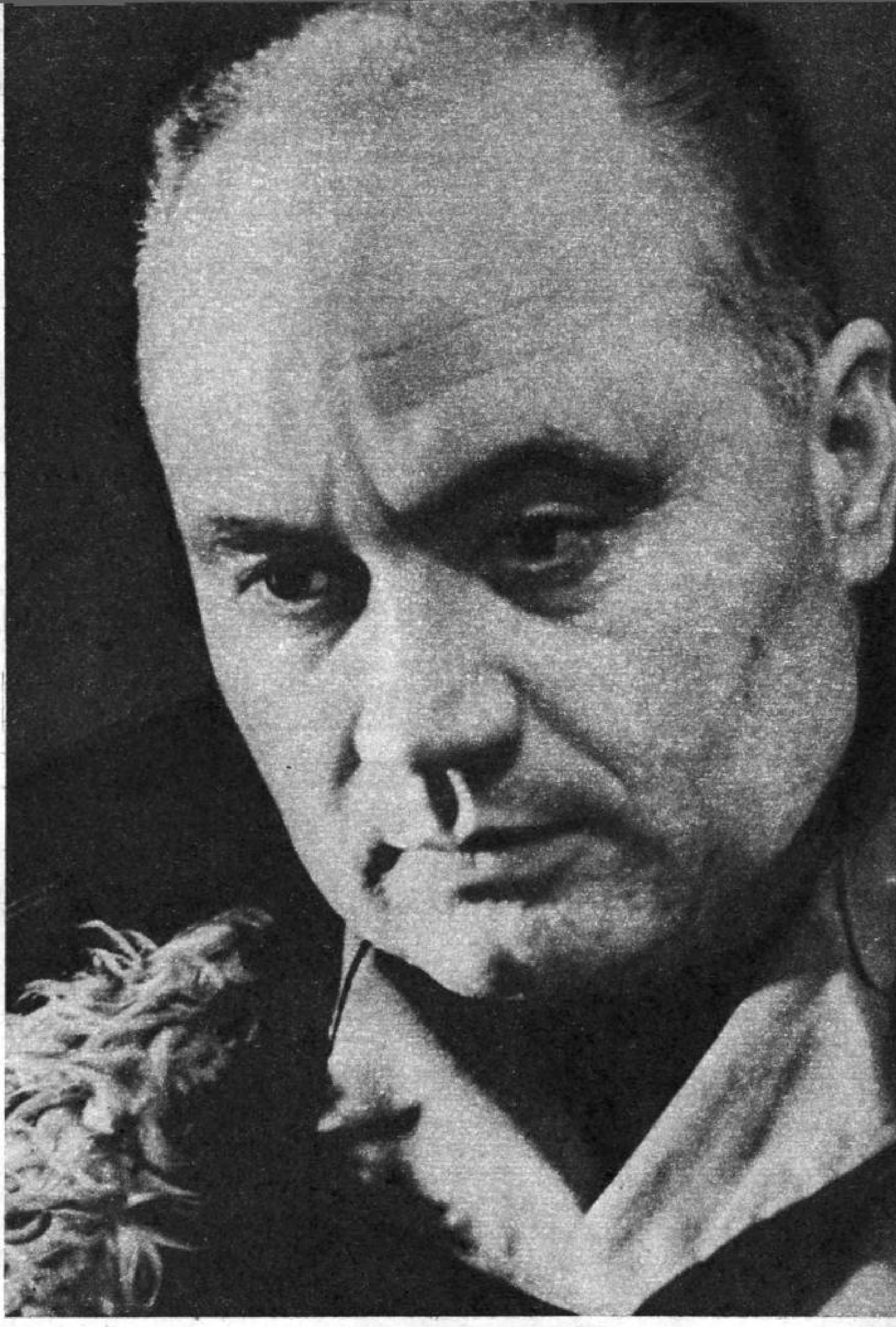
В Болгарии не хватает сырья для бумаги — в стране мало лесов. Возник проект: совместно построить недалеко от Архангельска крупное предприятие по производству целлюлозы. Часть продукции пойдет в Болгарию.

Христо Лаловски — потомственный строитель. Отец его в 1948 году работал на стройке, которая велась с помощью Советского Союза. Сам Христо приехал сюда из Бургаса, где строил нефтехимический комбинат по проектам и при участии советских специалистов.

— Ступили мы на архангельскую землю 1 мая 1970 года,— рассказывает Лаловски.— Здесь — мороз, снег, а у нас в руках красные розы, не успевшие завянуть в пути. Так с ними и пошли на демонстрацию. Сразу же почувствовали себя дома — с той лишь разницей, что встречали праздник не у Черного, а у Белого моря.

У этого поселка все приметы города: просторные улицы, пятиэтажные дома, современный кинотеатр. Да и по числу жителей недолго ему осталось называться поселком. Заработает третья очередь Архбума — так здесь называют комбинат, а значит, прибавится в Первомайском населения — и появится новый город.

Мы идем по улице, которая носит имя Георгия Димитрова. Одна сторона ее еще не застроена, и отсюда хорошо видна пло-

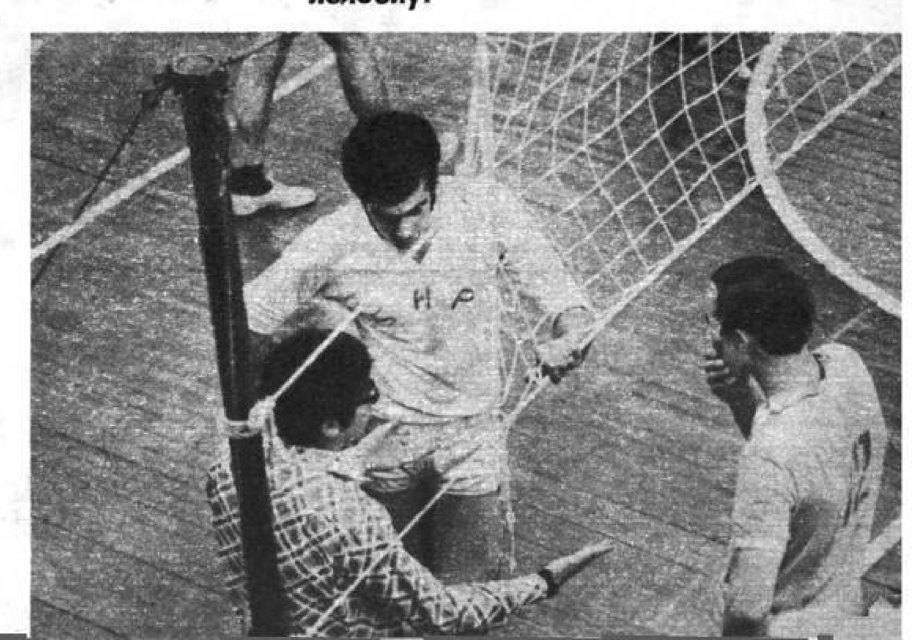
Прораб Христо Лаловски приехал в Архангельск из Бургаса.

СКИЙ АВТОГРАФ

Секретарь Архангельского обкома КПСС Ю. Н. Сапожников и парторг ЦК БКП Игнат Игнев открывают музей болгаро-советской дружбы.

Сейчас начнется международная встреча по волейболу.

Суббота — день свадеб.

А эта — двенадцатая за сегодняшний день: каменщик Михал Димов и калькулятор столовой Тамара Уркина.

Стефан Маринов — воспитанник детского сада № 182 поселка Первомайский.

На экскурсии в музее северного зодчества под Архангельском.

Семейный семинар.

щадка, где растут цехи комбината. Здание теплоэлектростанции — высотой с двадцатиэтажный дом — уже почти готово. В главном корпусе идет монтаж оборудования. Здесь, в тесной прорабской, мы и застали нашего Христо. У него над столом вымпел «За высокие показатели в социалистическом соревновании». Когда мы вошли, Лаловски торопил кого-то с поставкой кирпича.

— Понимаете,— объяснил он нам,— каменщики на участке перевыполняют норму чуть не вдвое, и поэтому поставщики не всегда успевают, приходится поторапливать.

Красивые «автографы» оставит Христо Лаловски на северной земле. Кинотеатр, общественно-бытовой центр, детский сад, куда сейчас ходят Иванки и Машеньки, Тодоры и Сережи, жилые дома — все это возведено руками болгарских строителей. А первым экзаменом для них был клуб на 800 мест для работников комбината. Не все приехали, имея специальность, учиться пришлось на месте. Вначале было трудновато, но выход нашелся. Отделочники решили: «Возьмем в бригаду болгарских ребят!» Примеру последовали другие, и дело пошло. А недавно штукатур Веселин Атанасов стал победителем в областном конкурсе строителей и в награду получил путевку в Крым.

Смешанных бригад сейчас на стройке около восьмидесяти. Бригаду арматурщиков возглавляет Виктор Ярусов. Пятеро русских, шесть болгар. В честь этого коллектива не раз поднимался флаг стройки — так здесь отмечают лучших. По вечерам часто собираются друг у друга, вместе ездили на экскурсии в Ломоносово, Кижи, Ленинград, Киев. Прошлым летом Ярусов с семьей провел отпуск в Болгарии, у своего товарища по бригаде Петра Филева.

Вечером накануне отъезда мы были в гостях у Лаловских. Иванка, радушная хозяйка дома, угощала нас баницей — по-особому приготовленным яблочным пирогом. Иванка работает отделочницей и вместе с мужем учится заочно на третьем курсе Архангельского лесотехнического института. Старший сын, Владимир,— студент дневного отделения того же вуза. Так что трое Лаловских вернутся на родину с советскими дипломами.

— Как вы, уроженцы юга, переносите здешний суровый климат?— спросили мы у Лаловских.

— Будь я из Габрова, непременно бы, как в анекдоте, отрезал своей кошке хвост: меньше выходит тепла, когда выпускаешь ее на улицу,— засмеялся Христо.— Но мне климат нравится, здоровый. Природные условия, конечно, нелегкие. Однако каждый понимает важность стройки, и энтузиазма не занимать.

Когда пришло время возвращаться в гостиницу, Христо с Иванкой пошли нас проводить: «Мы здесь — дома, а вы гости».

...Праздники в Первомайском тоже общие: Новый год, 1 Мая, 24 мая — День славянской письменности, 9 сентября — годовщина социалистической революции в Болгарии, 7 ноября. Особая дата — 12 августа: День строителя. И в каждый из этих дней на праздничных столах — розы, любимые цветы болгар, выращенные на русском Севере.

Серафим **ПОПОВ**

БАЛЛАДА О ШЕСТИ КЕДРАХ

* * *

Дом без ребячьего смеха
холоден, темен и пуст.
Дети трудам не помеха —
пусть себе возятся, пусть!

Красен не только углами,
прочно стоял на земле
дом, что шестью сыновьями
славился в нашем селе.

Сын народился — в восторге,
сердцем отзывчивым щедр,
гордый отец на пригорке
новый высаживал кедр.

Краше пригорка в деревне
да и в окрестностях нет!
К небу тянулись деревья,
дети тянулись им вслед.

Выйдет отец, их скликая,
станут все шестеро в ряд,
как диаграмма живая
нашего роста, стоят...

И веселится охотник,
в жизнь беззаветно влюблен,
каждый — отменный охотник,
каждый — красив и силен!

Рослыми, взрослыми стали,
зрелыми стали сыны...
Их от невзгод сберегали,
не сберегли — от войны...

Нету страшней приговора —
ждать унесенных войной...
Вольно бежала Печора,
радуясь жизни иной.

В доме хозяев не сыщешь —
ветер тоскует над ним,
как над седым пепелищем,
где и не выветришь дым.

Дым этот, горький-прегорький,
ест нам глаза и сейчас.
Кедры одни на пригорке —
мощные — радуют глаз.

Старую быль повторяют —
дружные — в шесть голосов,
поочередно роняют
слезы смолы со стволов...

Бегают резвые дети,
жизнь их светла и легка...

...Радости много на свете,
боли — не меньше пока!

* * *

Я в партию вступил в разгар войны,
меж двух боев, кровавых и суровых,
когда мы Дон форсировали снова,
чтоб закрепиться с правой стороны.

Враг, видно, вздумал все живое выжечь...
Нам оставалось только лишь одно:
с Россией вместе выстоять и выжить,
не захлебнуться,
не пойти на дно.

Снарядный смерч
пронизывал насквозь.
Был самый напряженный миг сраженья,
когда остановилось отступленье,
но наступление не началось.

Наш комиссар,
давно любимый нами,
перед атакой к строю подошел.
Взглянув, я встретился с его глазами:
усталый взгляд был грустен и тяжел.

Да, в нем была спрессованная воля —
моя и всех солдат,
всего полка,
но также отсвет непомерной боли
за всех за нас, чья участь нелегка.

Он не был многословным и речистым.
Сказал пять слов:
«Я поведу вас в бой!»...
И облик истинного коммуниста
в тот грозный час блеснул передо мной.

...Наш комиссар погиб во время боя,
но был разбит и опрокинут враг.
Освободив село Сторожевое,
над ним мы водрузили
алый стяг.

Не потому ли,
что в кромешном мраке
мне виделся тот полный боли взгляд,
я поднял взвод на новые атаки
и больше шагу не ступил назад...

Не потому ли
после схватки этой,
соединив любовь мою и гнев,
врученная мне книжка партбилета
легла на грудь мне, сердце отогрев...

Учился быть я в каждом деле смелым,
поняв —
на протяженье долгих лет,—
какое это непростое дело:
носить в своем кармане партбилет.

Там, на Дону, и приобрел я право
идти путем, который всех трудней,—
не ради чести и не ради славы,
но чтобы жить
на уровне тех дней!

У КАРСКОГО МОРЯ

Пересилить сердце трудно,
если сердце рвется в путь.
Снова ринулся я в тундру,
холод рвет на части грудь.

О покое и о лени
здесь мечтать я не могу.
Мчатся бешено олени
к дальним чумам сквозь пургу.

Сзади — озеро Тарапа...
Горы, выгнувшись хребтом,
охраняют, встав на лапы,
море, скованное льдом.

Хоть и злая здесь природа,
человек ее сильней.
Ты вглядись в оленевода,
что оперся на хорей.

Пусть ревет буран сердитый
и в лицо с размаху бьет,
с головою непокрытой
он стоит, оленевод.

Перед тундры властелином
рад я шапку снять и сам,
лишь таким неповторимым
поклоняясь чудесам!

* * *

Хоть сейчас я соберусь в дорогу...
Что мне нужно?
Да совсем немного:
хлеба заберу ломоть с собою
и уйду в тайгу любой тропою.
Мне не очень-то нужны и тропы:
как они ни прятались хитро бы,
здесь и прямиком кусточек каждый
мне к родной деревне путь укажет,
где бежала наша юность резво,
как бежит вдоль рощ зеленых Эжва...
Молодость, куда же ты пропала?
Коль нельзя прожить тебя сначала,
дня бы на два ты вернулась, что ли,
легкой тенью той нелегкой доли...
На плоту не так-то сладко, право,
если вдруг затор во время сплава,
и не просто — скажем между нами —
ладить с топорами да с баграми,
коль спина натружена до хруста
да еще когда в желудке пусто.
Съев с утра все скудные запасы,
нам ли ждать обеденного часа?
Но зато, ко всем помехам глухи,
яростней трудились с голодухи!
И плевать, что натощак мы ляжем,
если самый труд был счастьем нашим,
с подвигом граничащий нередко,
под лучами первой пятилетки!
Я теперь завидую немного
всем, идущим трудною дорогой,
молодым строителям-собратьям,
что еще смелее и крылатей.
Пусть же наше солнце молодое
светит тем, кто будущее строит!
Я же хлеба кус возьму с собою
и пойду бродить глухой тропою,
и слагать стихи — что день, то краше —
о величье дел бессмертных наших!

Перевел с коми Игорь **МИХАЙЛОВ**.

Подходящая кандидатура

Аркадий САХНИН

По пути из Чехословакии в Москву, как было условлено, в Варшаве меня встретили два моих приятеля — корреспонденты наших газет, аккредитованные в Польше. После короткого «совещания» на перроне, где поезд стоял около часа, решили, что я останусь на два-три дня погостить у них. В тот же вечер мы бродили по городу, где я раньше не бывал, потом зашли в ярко освещенное кафе. Устроились за уютным столиком, и тут я обратил внимание на группу поляков, сидевших неподалеку от нас. Вернее, на одного из них. Широкие плечи, тугие бицепсы, отличный спортивный вид.

Я знал этого человека, но не мог припомнить, кто он. Казалось, наше знакомство связано с чем-то неприятным.

То ли слишком откровенно я смотрел, чем привлек и его внимание, то ли случайно он повернулся в мою сторону, но взгляды наши встретились.

Удивительные бывают совпадения. Все происходило при совершенно аналогичных обстоятельствах, но совсем в другом месте. Теперь я хорошо все вспомнил. Года два назад осматривая с друзьями Мюнхен, вконец уставшие, мы забрели передохнуть в первое попавшееся кафе. Оно находилось на Райзингерштрассе и привлекало экзотическим названием: «Цум шарфен риттер» — «У гордого рыцаря». Тогда мы еще не знали, что это постоянное место сборищ антисоветчиков эмигрантского толка. Посетителей обслуживал сам хозяин, коренастый, подвижный старик со светлыми вьющимися волосами. В кафе находилось человек двадцать. Они то и дело переговаривались между собой через столики, хозяина называли «паном Казимиром», и было ясно, что все это одна компания людей, на гордых рыцарей отнюдь не похожих. Исключение составлял, пожалуй, один человек, именно тот, кого я теперь увидел за соседним столиком.

И там и здесь чувствовал он себя свободно, по-хозяйски, с той лишь разницей, что в Мюнхене из-за большого овального стола, где он сидел в обществе шести человек, доносилась немецкая речь, а здесь польская.

Пока мы делали заказ в том мюнхенском кабачке, соседи поглядывали в нашу сторону, а потом двое из них подошли к нам. Извиняясь за нескромность, заговорили о том, что не могли не подойти, услышав родную русскую речь, о том, как истосковались по родине, и хотя вины на них нет, но и путей возврата уже нет, сказали, что будут рады, если окажутся чем-либо полезными в этом, очевидно, не очень знакомом нам городе. Словно с сожалением, как-то виновато сообщили, что работают на радиостанции «Свобода».

Мне не раз приходилось сталкиваться с подобного рода людьми. Все они стандартны, одинаковы, и методы их, словно один раз на всю жизнь заученные, одинаковы, и все это давно надоело. Поэтому не пришлось удивляться, что вскоре они предложили нам заполнить «совсем безобидную» анкету радиостанции «Свобода», конечно же — они это хорошо понимают,— не называя наших фамилий.

Мы ответили им не в самых изысканно-салонных выражениях, и они, должно быть, давно привыкшие к подобным ответам на свои предложения, не удивились, не обиделись, а молча вернулись на свои места.

Все это было понятно. Но как понять появление одного из тех, кто сидел за овальным столом вот здесь, в Варшаве?

Я спросил друзей, не знают ли они, кто этот человек.

— Отличный парень! — сказал один из них, обернувшись.— Известный польский разведчик Анджей Чехович. Читал, наверно, я о нем писал в «Комсомолке».

Оказывается, они были хорошо знакомы. Вскоре меня представили ему.

Улыбаясь, Чехович сказал:

— А мы почти знакомы. Помните? У пана Казимира.

Мы сдвинули наши столики и остаток вечера провели вместе. Прощаясь, я спросил, все ли, что не составляет профессиональной тайны его деятельности на мюнхенской радиостанции, опубликовано.

— Опубликовано мало. Сейчас работаю над книгой... Но знаете,— неопределенно пожал он плечами,— я ведь не могу сам, единолично распоряжаться материалами.

Мы условились, что он посоветуется со своими коллегами. Недели через две я получил от него весточку и отправился в Польшу. Принял меня представитель Центра.

— Называйте его «Генрих»,— сказал Анджей, знакомя нас, и улыбнулся, давая понять, что подлинное имя иное.

Может быть, это человек, который из Варшавы руководил всей работой Чеховича в Мюнхене. Возможно, именно он ездил туда, чтобы поддержать молодого разведчика в критический момент. Но так или иначе Генрих знал не только каждый шаг своего подопечного, но и его внутреннее, психологическое состояние. Генрих и начал беседу.

«Почему мы решили посылать на «Свободную Европу» разведчика? Почему остановились на Анджее Чеховиче? Мы ведь знали, что прежде всего он попадет в руки ЦРУ. Постараюсь сначала ответить на эти вопросы.

Многими данными о деятельности «Свободной Европы» да и «Свободы» — они ведь тесно связаны — мы располагали и раньше. Но в начале шестидесятых годов эти станции получили из Нью-Йорка новые, весьма важные указания. В частности, касающиеся отношений между социалистическими странами и народами внутри этих стран».

Слушая Генриха, было легко представить себе, откуда именно шли указания. На сорок второй улице, пересекающей Бродвей в холле одного из крупнейших деловых зданий Нью-Йорка, я видел модель радиопередатчика. Над ним крупная надпись: «Этот мощный передатчик посылает программы радиостанции «Свобода» в самое сердце Советского Союза». Здесь и размещается, не только ни от кого не прячась, но и рекламируя себя, «Комитет радио «Свобода», руководящий мюнхенскими радиостанциями под тем же чуждым их существу названием. Это его сравнительно новое название. Организован он был как «Американский комитет освобождения от большевизма», чем точно определялись его цели. Новая вывеска существа не изменила. Его история началась больше двадцати лет назад, когда зарождались массированные операции холодной войны.

В конце мая 1949 года в одном из нью-йоркских отелей состоялось совещание, на котором присутствовали Эйзенхауэр, Аллен Даллес, Джон Макклой, генерал Клей, Рокфеллер, Форд и другие представители крупного капитала. Здесь и был решен вопрос о создании мощного органа идеологического наступления на страны социалистического содружества. Была утверждена и его программа, сформулированная генералом Люшиусом Клеем: «Вести решительную, ничем не ограниченную кампанию психологической войны» с целью «свержения коммунистических режимов».

Проектирование радиостанций и передающих центров, их размещение, строительство зданий, оснащение аппаратурой шли по особым планам на равных началах с гонкой вооружений, без ограничения в средствах, как на производство ядерного оружия. В 1950 году «Свободная Европа» имела один передатчик, а «Свободы» и вовсе не существовало. В настоящее время для них сооружено 49 мощных передаточных станций, опоясавших Советский Союз и страны социалистического содружества.

Каждое утро тридцать три отдела «Свободы» приступают к работе. На столах уже подготовлено 250 советских газет и журналов, подлежащих обработке.

Запускают аппаратуру, надевают наушники в отделе радиоперехватов. Идет запись передач советских радиостанций. Полученные материалы перерабатываются и вместе с просто выдуманными переводятся на 23 языка народов СССР и под видом информации, якобы полученной от собственных корреспондентов из СССР, направляются в семнадцать радиостанций «Свободы», между которыми распределена вся территория СССР. Шесть из них — в Испании, три — на Тайване и восемь — в Мюнхене.

Круглые сутки работает «отдел мониторов», где подслушивают радиотелефонные переговоры и перехватывают радиопереговоры морского флота социалистических стран. Многочисленный аппарат «отдела исследований аудитории» радиостанции «Свобода», руководимый сотрудником ЦРУ Максом Ралисом, ведет слежку за советскими гражданами, находящимися за границей. Расширяя сферу своей де-

Караваджо. ЛЮТНИСТ. Около 1595 г. Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Караваджо. МАДОННА СО ЗМЕЕЙ. 1605—1606 гг. (Фрагмент).
Национальная галерея Боргезе. Рим.

ятельности, вместе со специальной группой Ралис передислоцировался в Париж, где и действует в настоящее время, лишь временами наезжая в Мюнхен.

Кадровый сотрудник ЦРУ, полковник Гейзел Стюарт возглавляет «Отдел специальных проектов». Под таким мудреным кодом зашифрована служба, переправляющая в СССР и другие социалистические страны антисоветские публикации, проникая для этой цели в официальные международные каналы культурного, научного и технического обмена. Этот же отдел занимается вербовкой граждан социалистических стран, находящихся в зарубежных командировках и туристических путешествиях. В настоящее время этот отдел передислоцировался в Рим и действует под фальшивой вывеской «Литературной ассоциации».

«Советник по делам информации» Роберт Редлих занимается разведывательно-подрывной работой. Три стены его кабинета на радиостанции «Свобода» сплошь увешаны картами СССР, как это было в гитлеровских штабах во время войны.

В ЦРУ явно или тайно работают американцы Вильям Клумп, Ричард Кондон, Макс Хейлин, занимающие ключевые посты на мюнхенских радиостанциях.

Польские товарищи из центра были в достаточной мере информированы об этом.

«Насторожила нас,— продолжал Генрих,— директива, запрещающая ставить задачу свержения коммунистических режимов; запрет призывать к «ликвидации строя» в социалистических странах.

Но ведь именно так были сформулированы главные цели «Свободной Европы», когда она создавалась. Что же, хозяева этих радиостанций отказались от этих целей? Нет, конечно. Но поняли, что подобные лобовые призывы не достигают цели. Поняли, что надо менять тактику. В этом духе и появились новые директивы. Мы тоже хотели изучить их. Нам надо было узнать структуру, механизм сбора, обработки и передачи разведывательной информации ЦРУ через «Свободную Европу», раскрыть ее секретные источники информации.

Сделать это мог только разведчик, специально посланный туда для работы. Но возьмут ли американцы такого человека? Мы пришли к выводу, что должны взять. И вот из каких соображений.

На обеих радиостанциях всю черновую работу ведут отбросы из эмигрантских кругов. В своих фальшивках с конвульсивной злобой требовали они «свержения строя». И новая, более гибкая тактика ЦРУ могла оказаться им не под силу. Именно из этого мы и исходили. В «польской редакции» «Свободной Европы» работает сто двадцать эмигрантов. Среди них и старые, оказавшиеся за границей тридцать — сорок лет назад, и «новые» кадры, которые покинули страну десять — двадцать лет назад, но и те и другие даже отдаленного представления не имеют о современной социалистической Польше. Конечно же, «польской редакции» нужны были «свежие силы». Вот мы и решили помочь ей в этом деле.

Предстояло найти разведчика, который отвечал бы всем нашим требованиям и, как это ни парадоксально, всем требованиям наших врагов. В частности, мы остановили свой выбор на молодом работнике МВД, выпускнике исторического факультета Варшавского университета Анджее Чеховиче. У нас была возможность убедиться в его преданности социалистической родине и вере в идеалы коммунизма. Историк по образованию и призванию, он всегда шел далеко впереди университетской программы. Философию, марксистско-ленинскую литературу изучал не потому, что предстояли зачеты, а с увлечением. И глубоко понимал, что значит классовая борьба. Он видел главное в жизни родины — ее неуклонное движение вперед, понимал значение дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Волевой, жизнедеятельный, увлекающийся спортом, находчивый, он мог, нам казалось, за какой-нибудь год освоить и специфику разведки, если вести с ним индивидуальные занятия.

Анджей, хотя наше предложение было для него неожиданным, охотно согласился работать в разведке. Согласился, если понадобится, вести жизнь, полную опасностей и риска, вплоть до смертельного.

Ну, а ЦРУ? Ведь надо же, чтобы и оно согласилось взять Анджея. На первый взгляд, кандидатура для них абсолютно неподходящая. Однако чем больше мы думали над этим вопросом, тем более убеждались в обратном. Были обстоятельства, которые — при умелом их использовании — превращали Анджея в фигуру весьма для них привлекательную.

Происходит он из старинного дворянского рода. Его прадед и дед были богатыми людьми, известными в Польше. Да и отец не из бедняков. В тридцать девятом году, после воссоединения западных областей, часть его земли была передана не то совхозу, не то колхозу. Во время войны семью Чеховича эвакуировали в глубь России. Анджей учился в советской школе. Жили трудно, но видели: всем трудно. Хорошо понимали, кто в этом виноват, и люто ненавидели фашизм. После войны отец Анджея решил поселиться там, где все говорят на его родном языке, и семья переехала в социалистическую Польшу.

Все это теперь можно было представить поиному. Ведь сколько бьется бедная «польская редакция», сочиняя «преследования» поляков русскими во время войны! И тут даже при малой дозе фантазии можно такое нагородить... Фамилия и знатный род ведь широко известны. Наверняка слышали о ней и старые эмигранты.

Думали мы и вот о чем. Анджей — честный и прямой человек. Еще будучи студентом Варшавского университета, совершенно не выносил несправедливости, резко выступал против недостатков. Об этом знали многие. И подобным чертам характера теперь можно было дать совсем иное толкование.

Еще до того, как мы поставили перед Анджеем задачу, тщательно изучалась возможность посылки его в Мюнхен. Разработкой легенды для него занимались долго. Нам помогали ученые, в частности, психологи. Биография получалась короткая, открытая, ясная. Молодой человек знатного рода, родители которого преследовались русскими, участник студенческих волнений в Варшаве, выступавший против строя, поехал в качестве туриста на Запад, где и решил остаться. Тщательно разработанная на основе действительной биографии Анджея легенда убедительно подтверждала, будто происхождение определило и его политические взгляды.

Впрочем, иллюзий мы не строили. От провала никто не гарантирован. Поэтому, как вы понимаете, готовили не только Чеховича, хотя на него возлагались большие надежды.

Посылка Анджея Чеховича не была для нас событием, на которое делалась особая ставка. Шла обычная работа, обычная подготовка работника для зарубежной деятельности. Мы понимали, что наш коллега еще очень молод, практического опыта не имеет, но в процессе теоретической подготовки увидели, как быстро обретает он качества, необходимые разведчику.

Когда пришло время, Анджея предупредили, что прежде всего он попадет в руки ЦРУ — в лагерь для перемещенных лиц, где подвергнется самой тщательной проверке. И если даже осуществится наш план и его примут на радиостанцию, наблюдение за ним и в дальнейшем не ослабнет.

Анджей в полной мере понимал, что это значит. И с полным сознанием, с верой в свои и наши силы шел в долгий, долгий путь, полный риска.

Программа подготовки Чеховича, кроме весьма обширных знаний, необходимых современному разведчику, предусматривала освоение им массы материалов о «Свободной Европе», укладе жизни эмигрантов, их отношениях с американцами и немцами и множество других данных, особенно касающихся первого этапа — периода проверки его до поступления на радиостанцию.

Напряженнейшая работа длилась более года. Нам удалось предусмотреть многое. Я имею в виду не просто вопросы вроде тех, что были заданы в первой же беседе с американским контрразведчиком. Чеховича, например, спросили, чем он занимался целый год после окончания университета. Естественно, предвидеть такой вопрос было легко, равно как и то, что любой ответ, любые данные Анджея будут проверяться. С учетом именно этих обстоятельств по нашей рекомендации после университета он поступил на второй факультет германской филологии, где посещал лекции два — четыре раза в месяц. Для человека с университетским дипломом большего и не требовалось. Остальное время уходило на специальную подготовку. Порою ему приходилось работать по четырнадцать часов в сутки.

Как свершился «побег» и некоторые детали из жизни Анджея с момента «побега» до «польской редакции», уже сообщалось в печати. Могу лишь добавить, что не все мы могли предусмотреть. Порой возникали, казалось, самые безвыходные положения. Возникали уже с первых его шагов в ФРГ, когда человек не только еще не свыкся со своей новой жизнью, но не успел даже осмотреться.

Два примера. Перед отъездом Анджей, естественно, ничего не мог сказать родителям. Но сразу же по приезде в ФРГ написал им письмо. Так, мол, и так, нахожусь в Западной Германии, приношу свои извинения, но хочу остаться здесь. Пусть не беспокоятся, все будет хорошо.

Отец пришел в ярость и не ответил ему. А мать... Сердце матери, сами понимаете. В своем письме она умоляла его,— коль скоро решил пожить в другой стране, ничего не поделаешь, но только не в Западной Германии. Она просила сына, ничего не сообщив ему, какие решительные меры приняла сама. В результате Анджей получил приглашение приехать в Канаду от каких-то дальних родственников. Они готовы были взять на себя транспортные и иные расходы, обещали приличную работу.

Такой оборот дела озадачил Анджея. Он находился в специальном лагере Циндорфе под Мюнхеном, где опытные работники ЦРУ проверяли его. О том, что его проверяют, он знал. Конечно же, содержание письма им было известно, тем более запрос пришел и в канадское консульство. Несомненно, известно и содержание очередного письма матери, приводившей в пользу Канады бесчисленное множество доводов.

Проверяли Чеховича особенно тщательно, ибо, как правило, поляки в ФРГ не эмигрировали. И сам факт желания Анджея остаться в этой стране уже вызывал подозрение. Он был поставлен в положение довольно безнадежное. В политическом убежище ему пока отказали, работу найти он не мог, и пришлось перебиваться случайными заработками, довольствоваться грязной и тяжелой работой. И вдруг такие условия в Канаде. Отказаться? Значит, полностью разоблачить себя. Согласиться? Но зачем ему ехать в Канаду? Уехать туда — значит провалить так долго и тщательно готовившийся план. Естественно, Анджей срочно связался с нами. Мы дали указание безоговорочно принимать канадский вариант и как можно шире рассказывать о привалившем ему счастье.

Теперь задача состояла в том, чтобы канадское консульство само отказало ему в визе. Об этом пришлось позаботиться нам. А лагерное начальство получило возможность убедиться, будто у Анджея никаких интересов в ФРГ нет и он готов охотно покинуть ее. Но тут в судьбе Анджея начал принимать участие некий граф Людвиг Любеньский. Формально он числился директором польско-американского эмиграционного комитета. Фактически же являлся обычным агентом ЦРУ. Он, например, не раз ездил в Ливию, где по государственному договору Польша помогает Ливии в жилищно-промышленном строительстве. В частности, около семи тысяч поляков строили городок Барке. Так вот, среди них Любеньский и вербовал агентуру, которая бы сообщала на радиостанцию о настроениях поляков, о переписке с родными из Польши и возможных недовольствах. Ему удалось завербовать англичанина Кука с женой полькой, проживших в Ливии лет двадцать, и некоторых других.

Впоследствии рапорты и донесения Любеньского попадали в руки Чеховича. Как это происходило, станет ясно ниже. Но на первых порах, когда Чехович был еще далек от радиостанции, Любеньский активно вторгся в его жизнь. То ли это была вторая попытка американцев перепроверить, нет ли у Анджея каких-либо целей в ФРГ, то ли по другим соображениям, но так или иначе он стал горячо сочувствовать Чеховичу в связи с отказом канадского консульства, заверил Анджея, что не оставит его в

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАТАРИНЫ СУСАННЫ ПРИЧАРД

ДОЧЬ АВСТРАЛИИ

Катарина Сусанна Причард — классик австралийского романа, выдающийся общественный деятель, страстный борец за социальный прогресс, демократию и мир — прожила долгую, трудную и славную жизнь.

Катарина Причард родилась в ночь на 4 декабря 1883 года в маленьком городке Левука (острова Фиджи) в семье журналиста. В эту ночь ураган невиданной силы обрушился на острова Фиджи. Левука был разрушен полностью. В единственном уцелевшем на острове доме и появилась на свет будущая писательница. Туземцы прозвали маленькую Китти «Дитя урагана».

Детские воспоминания Катарины связаны с сельскими районами Тасмании. Она рано потеряла отца, оставшегося без работы и вследствие этого преждевременно ушедшего из жизни.

Причард работала гувернанткой, преподавателем, занималась журналистикой, рано включилась в активную общественную борьбу, совершала поездки в США, азиатские страны, некоторое время жила в Англии.

Первый роман, «Пионеры» (1915), рассказывающий о романтических «первооткрывателях» Австралии, принес молодой писательнице широкую известность.

С 1918 года Причард примыкает к движению, которое подготовило создание Коммунистической партии Австралии, выступает одним из организаторов компартии и на протяжении всей последующей жизни является активным ее деятелем.

В 20-е годы Катарина Причард публикует первые в австралийской литературе реалистические социальные романы.

В 1926 году вышла книга Причард «Рабочие волы». Прогрессивная австралийская критика связывала появление этого романа с началом социалистического реализма в Австралии.

В романе выдвигается тема, которая станет основной в творчестве Причард,— изображение жестокого угнетения народа и его борьбы против социальной несправедливости.

Идеи марксизма-ленинизма вдохновляли писательницу, были философской основой ее творчества. Причард писала: «Моя вера в коммунизм неотделима от моего творчества, это самая основа его».

Вершиной творчества Катарины Причард, свидетельством ее творческой и идейной зрелости является трилогия — «Девяностые годы» (1946), «Золотые мили» (1948), «Крылатые семена» (1950).

Это трилогия о судьбах народа, воссоздающая картину жизни и борьбы рабочих Западной Австралии за шестьдесят лет, с 90-х годов XIX века до середины XX века.

За свою долгую творческую жизнь Катарина Причард, кроме романов, опубликовала несколько сборников рассказов, два томика стихов, чудесную автобиографическую книгу «Дитя урагана».

Причард была большим другом нашей страны. В 1933 году, посетив СССР, она написала правдивую книгу о первой социалистической стране «Подлинная Россия».

В дни, когда фашистская Германия напала на нашу страну, в Австралии было создано «Общество австралийско-советской дружбы». Причард со дня основания и на протяжении многих лет была его председателем.

Умерла Катарина Причард 2 октября 1969 года, на 87-м году жизни, в местечке Гринмаунт (Западная Австралия), где она жила с 1919 года.

А. КРАСНОВ

бедственном положении, а поможет уехать в США.

И действительно, несмотря на ряд препятствий, Любеньский начал оформление Чеховича на выезд в Америку. Как вы понимаете, это не только не входило в наши планы, но и надолго рушило их. Однако в отличие от «канадского варианта» возможность «американского» мы предвидели и заранее разработали контрмеры. По нашему указанию Анджей всячески демонстрировал свое желание уехать в США, говорил об этом, по выражению известных советских сатириков, как о «хрустальной мечте». Но наши контрмеры действовали. Спустя некоторое время Любеньский сказал: «Не везет нам с тобой, Анджей. США тоже отказали тебе в визе».

Далось нам это без особого труда, даже неиспользованные резервы остались. В частности, не пришлось пускать в ход версию, по которой «случайно» узнали бы американцы, будто у Анджея когда-то был туберкулез. Как известно, болевших туберкулезом эмигрантов в США не пускают.

Таким образом, на примерах Канады и США работники ЦРУ, проверявшие Чеховича, окончательно убедились, будто никаких целей в ФРГ он не преследует, а, напротив, с радостью покинул бы эту страну. Как мы и предполагали, в подобной ситуации обязательно возникнет вопрос об использовании его в «Свободной Европе». О плачевном положении с кадрами в «польской редакции» мы уже говорили. А тут вдруг молодой, энергичный парень, только что бежавший из коммунистической Польши да еще имеющий университетское гуманитарное образование,— можно ли мечтать о лучшем! Нас и не удивило, когда по донесениям Анджея мы узнали о заданиях, полученных им из «Свободной Европы», а потом и о приглашении на постоянную работу.

Практически на первом этапе сама радиостанция проверку кадров не ведет. Этим занимается ЦРУ. Насколько тщательно, можно судить по тому, что Анджея проверяли больше года. В течение этого времени создавалось множество сложных коллизий, перечисление которых едва ли целесообразно. Да и, естественно, мы не можем рассказать о всей работе Анджея в Мюнхене. Просто несколько эпизодов из его подпольной жизни, несколько характерных примеров шпионской деятельности «Свободной Европы», один-два факта, показывающих, как производятся фальшивые документы и придумываются события».

Когда начал говорить Анджей, я подумал об одном обстоятельстве, от него не зависящем, но, несомненно, помогавшем ему в работе: он удивительно обаятельный человек. Буквально завораживает своей улыбкой. Ему очень верится, с ним хочется дружить. Думаю, успеху деятельности Анджея способствовали и его физическая сила и умение держать себя достойно. Это, пожалуй, даже не умение, а врожденное чувство собственного достоинства человека, воспитанного социалистической системой. Это чувство в эмигрантах истреблено полностью, и эмигрантская среда смотрела на него с гордостью и завистью. Как-то в уже знакомый нам кабачок «Цум шарфен риттер» забрели два немца. Один из них, услышав польскую речь шумливого пана Казимира, с пренебрежением бросил оскорбительную для поляков фразу. Все знали немецкий, значит, поняли смысл, но никому в голову не пришло как-то ответить на оскорбление.

Выждав немного, Анджей медленно поднялся, молча подошел к немцу и одним ударом сшиб его с ног. Так же независимо и молча вернулся на свое место.

Надо знать, в каких унизительных условиях живут эмигранты, чтобы понять их всеобщую радость, их ликование по столь, казалось бы, незначительному поводу. На Анджея смотрели как на героя. О его поступке с восхищением говорили на следующий день в «польской редакции», его поздравляло даже начальство. Подобная акция, как и любая другая, демонстрирующая смелость и чувство собственного достоинства, поднимала авторитет Чеховича среди рядовых сотрудников. Однако все это было позже, а приход его в «польскую редакцию» они встретили весьма враждебно. Как это произошло, рассказал Анджей.

«Первая задача, стоявшая передо мной,— начал он,— завоевать доверие шефа «польской редакции» Новака, его подчиненного и недруга — начальника отделения «анализа и исследований», где я работал, Казимира Заморского и всех сотрудников, ибо, как я был проинформирован, почти каждый за кем-то наблюдал.

Особенно это относилось к отделению, где я работал. Поскольку именовать его прямо «разведывательное», естественно, ЦРУ не могло, пожалуй, самым подходящим и было название «анализа и исследований», ибо именно здесь анализировались, проверялись все данные, которые могли представлять интерес для американской разведки. Подробнее об этом скажу ниже. На первых порах моя задача — завоевать авторитет и доверие — осложнялась тем, что я не хотел, не мог «зарабатывать» авторитет и доказывать преданность хозяевам общепринятым и весьма поощряемым здесь способом — откровенной клеветой на родину. А доверие начальства — фактор для меня решающий.

Мой приход на радиостанцию совпал с очередной годичной конференцией. Вообще-то никакая это не конференция, а просто собрание сотрудников, где Новак сообщает о генеральном направлении работы на год, где даются различного рода указания, анализируются провалы и просчеты. Думаю, подобные конференции преследовали еще одну цель. В течение года люди точно и безоговорочно выполняли любые задания, не думая, не рассуждая. Один раз в год разрешалось каждому сказать, о чем он думает. Кстати, и начальству важно знать, о чем же думает подчиненный.

На этой конференции Новак представил меня и дал слово. Пусть говорит человек, только что приехавший из Польши, пусть скажет, как он оценивает наши передачи, как, по его мнению, они должны вестись.

К выступлению я был хорошо подготовлен. Мне были известны новые установки, запрещавшие лобовую пропаганду, призывы к свержению и прочее. Знал я и о том, что Новак, видимо, имея на то указания, безоговорочно принимает за истину выступления некоего Мирошевского в эмигрантской печати. Мирошевский всегда одним из первых пропагандировал в своих публикациях в парижской «Культуре» новые концепции психологической войны, которые зарождались в США среди «советологов», а позже становились официальной доктриной НАТО.

О деятельности Мирошевского меня информировали еще дома, дав соответствующие

указания. Следил я за его выступлениями, уже находясь и в ФРГ. С учетом этого я и выступил. Сказал, что пропаганда, по-моему, ведется неверно. Многих в Польше просто раздражают призывы к свержению социалистического строя, и они уже не хотят слушать и разумных доводов. Мне кажется, сказал я, что надо выступать не против социализма, наоборот, поддерживать социализм, но не такой, как сейчас в Польше, а «улучшенный», «демократический» социализм.

Практически от своего имени, как свои убеждения, своими словами я излагал лишь основные указания американцев, развиваемые Мирошевским. Выводы иллюстрировал примерами из наблюдений в Польше. Естественно, многие из них были вымышленными, но заранее отработанными и выглядели вполне убедительными.

Основная масса присутствовавших — люди опустившиеся, продажные, свои жизненные неудачи изливавшие в злобе против социализма, были возмущены моим выступлением. У них не укладывалось в голове, что я предлагаю «польской редакции», которая только и делала, что выступала против социализма, начать вдруг выступать за социализм, пусть «улучшенный», пусть «модернизированный», но все-таки социализм. Уже одно это могло привести их в бешенство. В репликах послышался протест, возмущение. Некий Трояновский заявил, что я занимаюсь чуть ли не коммунистической пропагандой.

Ясность внес Новак. Ему-то мое выступление пришлось по душе. Оно выглядело весомым подтверждением указаний ЦРУ и писаний Мирошевского. И он решительно поддержал меня. Вот что значит человек, только что приехавший из Польши. Человек думающий, рассудительный, образованный, с аналитическим складом ума.

Новак говорил, что мои предложения вовсе не означают отказа от главных целей. Просто нужна новая тактика, более гибкая, учитывающая истинное положение в нынешней Польше. И пусть никого не пугает слово «социализм». Мы понимаем его совсем не так, как коммунисты. Наш новый сотрудник, говорил Новак, предлагает пропагандировать демократический социализм, то есть то, что здесь, на Западе, называется социал-демократией. Социал-демократы были у власти в ряде стран и это не мешало и не мешает капиталистическому строю.

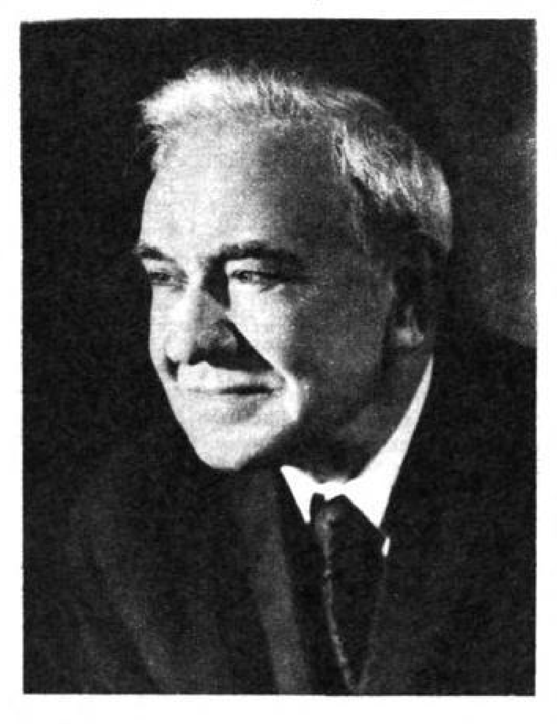
Новая тактика, закончил Новак, не пожелание, а установка надолго, и воспринимать ее следует как приказ.

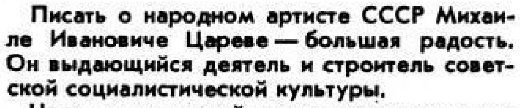
Уже это первое мое выступление для Новака означало многое. Он хорошо понимал: коль скоро ЦРУ пропустило меня для работы в его ведомство, значит, человек я проверенный. И хотя проверка и слежка продолжаются на протяжении всей службы на радиостанции, первый и главный рубеж весьма существен, и мною он пройден. Это с точки зрения, так сказать, благонадежности. А с точки зрения работы, как я потом убедился, Новак увидел во мне человека, на которого можно будет опереться, выполняя новые установки.

После конференции он беседовал со мной несколько раз. Расспрашивал о положении в Польше, о настроениях людей, особенно молодежи. Еще в своем выступлении на конференции я говорил, в частности, что молодежь, выросшая при новом строе, ни при каких обстоятельствах не примет капиталистических форм собственности, не захотят они, чтобы заводы и фабрики были частными. В личной беседе он подробнее расспрашивал об этом. Кстати, в тот раз я впервые узнал, как он неграмотен в политэкономии, хотя перед войной окончил экономический факультет. Он не понимал даже некоторых основных терминов из «Капитала». С большим тактом, чтобы не задеть его самолюбия, я как бы между прочим объяснял ему довольно элементарные вещи. Он увидел это, в полной мере оценил и мой такт и мои взгляды на предстоящую работу. В последующих беседах он, уже не стесняясь, расспрашивал меня о различных философских воззрениях и даже о том, что значит «производительные силы», «производственные отношения» и т. д., консультировался по довольно существенным вопросам, решение которых должен был брать на себя...»

Продолжение следует.

ТАЛАНТ И ТРУД

Вл. ПИМЕНОВ

Писать о народном артисте СССР Михаиле Ивановиче Цареве — большая радость. Он выдающийся деятель и строитель советской социалистической культуры.

Царев и советский театр неотделимы, талант Царева-актера широк и многообразен. Его творчеству свойственны высокая гуманность, психологическая глубина и партийная направленность.

По старому амплуа он герой. А умные антрепренеры, начиная «дело», говаривали: «Если есть герой и молодая героиня, труппа есть». Там, где был М. И. Царев, уже была труппа, уже был театр.

Получив академическое образование в Петрограде, в школе русской драмы, в классе Ю. М. Юрьева, пройдя актерский путь, давший ему уже в молодости и опыт и возможность обнаружить многие грани своего таланта (Ленинградский Большой драматический театр, театр Б. Корша, Ак. Драма — Ленинград, театр Мейерхольда), М. И. Царев с 1937 года связывает свою актерскую судьбу с цитаделью русской театральной культуры — Малым театром, и 36 лет его высокое искусство актера и вдохновенный талант украшают сцену столичного театра, второго университета, как именовала Малый театр русская интеллигенция. Созданные Царевым сценические образы несут народу чувство правды, борьбы за социальную справедливость, за утверждение духовной победы добра над злом. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что Александр Андреевич Чацкий, образ которого многие годы живет на сцене в исполнении Царева, как бы определил тему и сущность многообразного таланта актера. Протасов, Жадов, Иванов, Арбенин — какие вулканические взрывы чувств и сложности характеров были раскрыты в этих образах Царевым!

Генерал Огнев — «Фронт», Ромодан — «Крылья» Корнейчука, Смит — «Русский вопрос» Симонова, Репнин — «Признание» Дангулова... Но в то же время талант актера суров и беспощаден к фигурам отрицательным, особенно надо сказать о замечательном и совершенно новом решении образа Вожака в «Оптимистической трагедии», по силе обличения достигающего самой высокой ступени.

Мудрость и зрелость таланта Царева проявились с особой силой в классическом репертуаре — профессор Хиггинс, Макбет, Фамусов, Маттиас Клаузен — какая разнообразность и сложность характеров, жанровых оттенков, широта творческого диапазона — от сатирической комедии до трагедии.

Царев — мастер слова на сцене, у него не пропадет ни один звук, ни одна интонация. В ряду таких мастеров художественного чтения, как А. Закушняк, В. Яхонтов, В. Качалов, Р. Симонов, Д. Журавлев, стоит имя М. И. Царева, страстного пропагандиста Пушкина и Лермонтова, Есенина и Маяковского, Толстого и Блока. Читает он необыкновенно, но не только раскрывает содержание произведения, а выражает художественный образ слова и мелодику стиха.

Царев любит молодежь и воспитывает ее, он прививает ей трудолюбие, любовь к искусству. Он профессор училища имени Щепкина. Царев учит не только актерству, он учит их и настоящей режиссерской практике.

И, наконец, еще одно: Царев — директор Малого театра уже много лет. Было время, к счастью, сейчас оно уже почти минуло, когда в понятие слова «директор» вкладывались главным образом обязанности хозяйственные, организационные, финансовые. Куда уж тут заниматься творческими делами, когда минуты свободной нет, когда загруженность делами оперативными сверхмерна! На самом же деле именно директор был и остается строителем театра, объединяющим все звенья творческой и производственной деятельности. Вспомним, что директорами театров были Н. И. Собольщиков-Самарин, Н. Н. Синельников, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, А. И. Южин, Л. С. Вивьен.

М. И. Царев как директор продолжает славную плеяду замечательных руководителей театрального искусства.

Многие деятели искусства и культуры всегда были и общественными деятелями. Без общественной деятельности нельзя себе представить ни Немировича-Данченко и Вахтангова, ни Блока и Брюсова, ни Савину и Яблочкину. М. И. Царев умело сочетает свой великолепный талант артиста с большой общественной деятельностью. Он уже много лет возглавляет Всероссийское Театральное Общество. ВТО — любимая организация всеми работниками театра, и быть председателем правления — это не только почет, но и труд, труд каждодневный. Царев — президент национального центра Международного института театра. Царев — член президиума ЦК профсоюза работников культуры, член коллегии Министерства культуры РСФСР, член президиума Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства РСФСР.

Жизнь М. И. Царева полна труда и творчества. Семидесятилетие со дня рождения он встречает в расцвете своего зрелого таланта и активной общественной деятельности. И пусть долгие годы приносит нам радость и наслаждение этот чудесный художник, замечательный мастер сцены.

Лев ФИЛАТОВ

ВРЕМЯ П

Позади еще один футбольный сезон, позади XXXV чемпионат страны. У него, как всегда, есть свои герои, в первую очередь ереванский «Арарат», доблестно выигравший оба главных приза нашего футбола. Есть и неудачники — минское «Динамо» и ростовский СКА, которым после долгих лет пребывания в высшей лиге предстоит снова держать экзамен на право возвращения в нее. Такова футбольная жизнь: каждый очередной турнир в какой-то мере производит переоценку ценностей.

Но частные радости и частные огорчения не должны заслонять того несомненного факта, что серьезные претензии к нашим футболистам остаются в силе. Поэтому и есть необходимость подвергнуть анализу уязвимые места футбольной жизни.

Когда в 1960 году, после окончания XXII чемпионата страны, появился новый чемпион, московское «Торпедо», доказавший, что побеждать способен не только столичный триумвират — «Динамо», ЦСКА и «Спартак», это не стало ошеломляющим событием, к выдвижению этой команды все отнеслись как к должному. Точно так же были восприняты последовавшие вскоре победы киевского и тбилисского «Динамо», команд с довоенным стажем выступлений в высшей лиге, с давно сложившейся надежной репутацией, которым просто неловко было оставаться в стороне в споре за главный приз. Начиная с 1964 года, когда казалось, что круг чемпионов замкнулся, в обиход вошло выражение «большая шестерка». Подразумевалось, что эти шесть клубов и есть «высший свет» нашего футбола. Иерархия выглядела стройной, обоснованной, действительной на много сезонов вперед. Команды делились на «ведущие» (эта самая шестерка) и «остальные».

И вот наши привычные представления о расположении «светил» начали смещаться. Прошлой осенью взошла ворошиловградская «Заря», а нынче выше всех вознесся ереванский «Арарат». А ведь совсем недавно обе эти команды были среди «остальных», и никто не подозревал, что им окажется под силу восхождение высшей категории трудности.

Так, может быть, проще всего старую шестерку ведущих переделать на восьмерку, и делу конец? Но кто поручится за долгое существование «восьмерки», и разве будет сверхъестественным, если чемпионами в следующие годы станет «Шахтер» или «Днепр»?!

Существует нечто вроде теории о том, что центры нашего футбола с годами перемещаются с севера на юг, в те районы, где ему вольготнее развиваться, где он не входит в конфликт с длинной зимой. О логичности этой теории говорит хотя бы потеря главных ролей столичными клубами. В этом году «Динамо» и «Спартак» заняли третье и четвертое места, и лет пятнадцать назад это было бы расценено как провал. Нынче их похваливают, да и как не похвалить, если в прошлом чемпионате клубы эти были на десятом и одиннадцатом местах. А к этому стоит вспомнить о том, что ленинградский «Зенит» давно уже балансирует между золотой серединой и опасным арьергардом, что распрощалось с высшей лигой минское «Динамо»... А «южане» наступают. «Арарат» одним махом забрал и Кубок и золотые медали, в высшую лигу из первой перешли одесский «Черноморец» и кишиневская «Нистру», и теперь в ней одиннадцать команд «южан» и всего пять — «северян».

Казалось бы, ясно: футболу милее юг, и ничего тут не попишешь. Но все же в этой географическо-климатической теории есть какая-то пассивность, какое-то, если хотите, непротивленчество. Да и всего объяснить она нам не может. Например, никак не укладывается в нее плачевная участь бакинского «Нефтчи» и ростовского СКА, команд, некогда побывавших в призерах, блиставших и игрой и незаурядными мастерами, а потом медленно и верно сползших в низший класс. Как видно, даже если климат и благоприятствует команде, то все же одних солнечных лучей и зеленой травки недостаточно для ее процветания.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что и СКА и «Нефтчи» остались без контроля, влияния и помощи. И разве не страдают по тем же причинам некоторые из «северян»?

Известно (об этом мне в свое время довелось подробно писать в «Огоньке»), как тщательно, широким фронтом готовилось спортивными и общественными организациями Киева выдвижение местного «Динамо». Тут и сооружение большого стадиона и учебной базы, и тщательный подбор игроков, и приглашение известных тренеров, и умение сплотить футболистов на борьбу за все главные призы, и внимание дублирующему составу. Все эти усилия пошли впрок, и киевское «Динамо» можно смело назвать чемпионом последнего десятилетия, ибо ни один другой клуб не способен похвастаться столь высокими и столь постоянными успехами в эти годы.

Нет сомнений, что и в рывок «Зари» была вложена изрядная подготовительная работа. Правда, не столь основательная. Эта команда, например, не располагала таким подбором игроков, как киевское «Динамо», и играла хоть и недурно, но, что называется, на пределе. Стоило ей потерять своего диспетчера В. Семенова, вернувшегося в Киев, и игра «Зари» сразу же стала шаблоннее. Да, запас прочности у команды оказался сравнительно невелик, и в чемпионате этого года она не только по итоговому седьмому месту, но, что самое главное, по рисунку игры уже не выглядела ведущей. «Заря» на развилке: устоит ли она в головной группе, будет ли и впредь выдвигать перед собой честолюбивые планы либо вернется в число «остальных»? Вопрос этот отнюдь не местного, ворошиловградского значения. Если «Заря» не устоит, если ее прошлогодняя красивая вылазка останется лишь в воспоминаниях болельщиков, то это будет означать, что футбол наш не стал сильнее.

И «Арарат» долго готовился к своему решительному походу. Весной 1969 года, будучи в Ереване, я беседовал с председателем республиканского комитета по физкультуре и спорту Л. Калашяном. Рассказав о широкой программе обеспечения «Арарата» всем необходимым (в том числе речь шла и о строительстве стадиона «Раздан»), он заключил:

— Вот когда все будет сделано как следует, мы и примемся штурмовать призовые места. Обязательно примемся...

В том сезоне «Арарат» остался на пятнадцатом месте, но его сегодняшний чемпионский состав уже тогда был подобран тренером А. Пономаревым, и до начала штурма оставалось совсем немного.

И вот он, чемпионский взлет «Арарата»! Выдержано напряженнейшее соперничество с многоопытным киевским «Динамо», подтверждена верность сознательно избранному атакующему истолкованию игры при достаточно надежной защите, проявлен характер (вспомним финальный матч Кубка СССР), в ряде встреч были удовлетворены все притязания ревнителей футбольной красоты. Кажется, «чего же боле!»

Но, воздав должное «Арарату» за отлично проведенный сезон, все же как-то не торопишься объявлять о том, что на свет футбольный появилась команда высокого класса. Только турнирная устойчивость, проверенная на протяжении ряда лет, дает нам право судить о классе команды без риска ошибиться.

Выходит, признание с оговорками? Не обидно ли это для нового чемпиона?

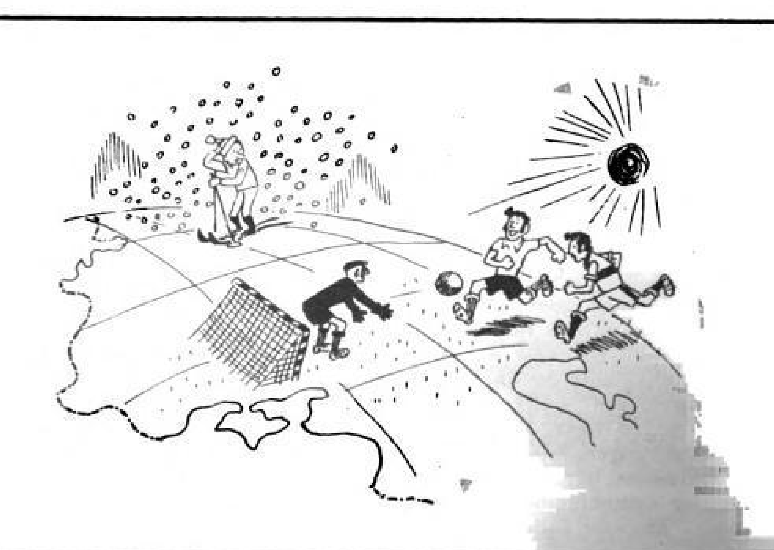
А разве не обидно было всем нам, когда грубо перечеркивались большие ожидания, которые мы связывали с появлением новых чемпионов? И разве не страдает более всего наш футбол оттого, что нет у нас клубов, из года в год совершенствующих игру и наращивающих турнирные успехи?!

Вероятно, не случайно в составе сборной страны уже несколько лет более всего представителей киевского «Динамо», команды, иг-

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

РИЗНАНИЯ

рающей ровно, в то время как из состава других чемпионов последних лет постоянные места в сборной имеют лишь Капличный, Ловчев и Онищенко.

Нет сомнений, что сборная в значительной мере страдает из-за резких колебаний в игре клубов. Да и сами клубы, появившись на европейской арене, в турнирах, где надо каждый матч проводить изо всех сил, то и дело не выдерживают высокого соревновательного накала, потому что он не сделался их обязательным правилом в чемпионатах страны. В этом году мы стали свидетелями, как бесславно, не оказав, по сути дела, достойного сопротивления противникам, выбыли из розыгрыша европейских клубных турниров прошлогодний чемпион «Заря» и прошлогодний обладатель Кубка московское «Торпедо».

«Арарат», многие годы находившийся среди «остальных», не нес большой ответственности за судьбы отечественного футбола. Нынче, когда он стал первым, спрос с него будет совершенно иной. И именно теперь, когда высота взята, настает, как на войне, самое трудное — удержать эту высоту.

Мне вообще кажется, что в раздаче командам эпитетов, мы часто спешим, руководствуемся стародавними, привычными ориентирами. Скажем, «Торпедо» по-прежнему величают «ведущим» клубом, хотя команду уже пять лет не видели среди призеров, хотя в чемпионате этого года она была одним из кандидатов на переход в первую лигу. Так уточним же: этот клуб «ведущий» лишь по воспоминаниям, а сейчас он самый что ни на есть середнячок. Куда полезнее называть команды своими именами. Когда же мы деликатничаем, церемонимся и явно отстающего изображаем нечаянно оплошавшим богатырем, то создаем дутые величины, тешим себя иллюзорными надеждами.

Каждый год, в пору подведения итогов, есть кого похвалить и кого поругать. В прошлом году комплименты рассыпались перед «Зарей», перед новичком высшей лиги «Днепром», перед «Зенитом». Теперь мы чествуем «Арарат», интересно игравшее в некоторых матчах московское «Динамо» и опять же новичка — донецкий «Шахтер». И вот, когда следишь за этим калейдоскопом, невольно задумываешься о том, что практика годовой отчетности вряд ли уже может считаться исчерпывающей и достоверной.

В наши дни футбольная команда высшего разряда если не предприятие, не завод, то уж цеху может быть уподоблена смело. Ее «продукция» на стадионах и по телевидению расходится в миллионах экземпляров и то пользуется широким спросом, то отвергается.

Планы на сезон давно разрабатываются в командах, и можно привести немало случаев, когда футболисты с увлечением и пылом выполняли эти планы. И киевское «Динамо», и «Спартак», и ЦСКА, и «Заря», и «Арарат» не с бухты-барахты становились первыми, они настойчиво шли трудной дорогой. Но если для киевского «Динамо» вошло в обыкновение работать на высоких чемпионских оборотах (в девяти последних чемпионатах команда восемь раз была среди призеров), то «Спартак» и ЦСКА смогли себя запрограммировать на один подвиг, не больше.

Аналогия с производством приведена не ради красного словца. Командам для того, чтобы наращивать мастерство, необходим свой дальний прицел, если угодно, своя пятилетка. И чтобы план этот был составлен с участием, как говорится, всех заинтересованных организаций и лиц. И пусть он будет удостоверен подписями и, если нужно, скреплен круглыми печатями. Это необходимо хотя бы потому, что в футбольных делах число обещаний и посулов пока превышает число осуществленных начинаний.

И вот тут мы наталкиваемся на так называемую тренерскую проблему и оказываемся чуть ли не в заколдованном круге. Предположим, план на пять сезонов разработан, а тренер, человек ответственный за его реализацию, пожимает плечами, криво улыбается и спрашивает: «А кто даст гарантию, что меня через год не снимут?» И гарантии такой в самом деле ждать неоткуда.

Слава и популярность футбольных тренеров, на мой взгляд, неестественно преувеличены. И это преувеличение в конечном итоге карает их самих. В дни победы тренер ходит в «мудрых стратегах», повсюду его портреты, статьи, интервью. В глазах многих он выглядит эдаким кудесником, загадочной, сильной личностью. Но, как ответная реакция, в случае неудач все эти его достоинства немедленно ставятся под сомнение, развенчиваются, и он превращается в «беспомощного профана».

Насколько я могу судить после многих лет знакомства со многими тренерами, они и не кудесники и не профаны, а в большинстве — дельные, знающие, бывалые специалисты, как правило, народ скромный, более всего желающий, чтобы им дали спокойно поработать, не требовали бы от них чудес и не отворачивались бы после каждого поражения.

Весьма распространенные попытки преодолевать любые затруднения с помощью перетасовки тренеров выглядят каким-то языческим предрассудком, прямо-таки идолопоклонством.

Никита Симонян был хорош, когда под его началом «Спартак» занимал первые места и брал Кубок. Стоило команде скатиться вниз, как стало известно, что «есть мнение» считать Симоняна виновником поражений. Вдоволь намаявшись в родном «Спартаке», этот честный, наделенный чувством собственного достоинства, высококвалифицированный тренер перешел в «Арарат». И сразу же — полный успех его и команды. Знания, футбольная интуиция, педагогический такт, все, чем щедро наделен этот человек, видимо, явились тем завершающим штрихом, который был необходим «Арарату» в предпринятом им штурме.

Виктор Маслов больше, чем кто-либо другой, носил репутацию кудесника. Еще бы, три сезона подряд киевское «Динамо» было чемпионом страны! И вот он вернулся к родным торпедовским пенатам. Мне казалось, что этот человек одним своим появлением вдохновит молодых торпедовских футболистов и быстро поставит команду на ноги. Все это я ему и выложил как-то зимой, еще до начала сезона. Маслов прямо-таки рассердился: «За кого вы меня принимаете? Я что, фокусник? Посмотрел я игроков на тренировках и скажу вам по секрету, что ничего у меня не получится. Буду, конечно, стараться, работать, но не вижу, как сделать хорошую команду: футболистов настоящих нет, почти нет...»

Маслов не ошибся в своем прогнозе, слишком большой он мастер своего дела, чтобы ошибиться. Но из команды ему пришлось уйти.

Подобное обращение с людьми высокой квалификации пользы футбольному делу принести не может. Перемещения тренеров из команды в команду стали для некоторых сверхрешительных «шефов» чем-то вроде видимости активного вмешательства, так сказать, «принятием необходимых мер».

И уж совсем странное происшествие приключилось нынче осенью, за несколько туров до конца чемпионата в киевском «Динамо». Команда шла вровень с «Араратом», и тут вдруг сняли тренера А. Севидова и назначили В. Лобановского из «Днепра». И немедленно динамовцы в двух матчах потеряли три очка и все шансы на золотые медали. Не имею права утверждать, что этого не случилось бы при старом тренере, так же как нелепо было бы винить в проигрышах нового тренера. Но все же ощущение неуместности грубого хирургического вмешательства в столь ответственный турнирный момент не могло не остаться у многих.

Часто повторяют, что футбол — это игра и ничего больше. Это и надо повторять, когда мы сталкиваемся с перехлестом страстей. Но когда мы разбираем те или иные, я бы сказал, постановочные аспекты футбола, тут не полагается ничего «облегчать». Тут должны торжествовать специальные знания, высокие спортивные требования, умение отличать действительные причины неудач от мнимых и надуманных, смелость называть вещи своими именами.

НЕСТАРЕЮЩИЙ ДЕТГИЗ

В первые же годы своего существования Детгиз, созданный в 1933 году по постановлению ЦК ВКП(б), доказал, что он давно был нужен читающей детворе, что он объединил лучшие писательские и художественные силы «Молодой гвардии» и Госиздата, работавшие для юных читателей. Сам М. Горький участвовал в организации и становлении нового издательства, помогали Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, А. А. Фадеев и другие видные деятели советской культуры. Кто из людей довоенного поколения, тогдашних октябрят и пионеров, не помнит чудесных книг, с выпуска которых начал Детгиз,— повестей А. Гайдара, В. Катаева, Л. Кассиля, стихов С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, рассказов М. Пришвина, В. Бианки, серий «Книга за книгой», «Мои первые книжки»... С той поры за сорок творческих лет ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» выпустило свыше 17 тысяч названий книг трехмиллиардным тиражом. Сотни новых имен молодых авторов были открыты за это время для маленьких любителей чтения.

Помня завет Луначарского и Горького, что для детей надо писать еще лучше, чем для взрослых, писатели знакомят ребят со всем многообразием окружающей их жизни, прививают им потребность в труде, творчестве, заботятся о моральном облике юных советских граждан. «Лучшие произведения для детей, выпускаемые в нашей стране миллионными тиражами,— говорится в поздравлении Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева коллективу издательства «Детская литература»,— воспитывают у ребят любовь к Советской Родине, к своему народу».

Пройдет еще сорок лет и еще сто — год от года будет расти и совершенствоваться центральное издательство для самого привилегированного класса нашей страны. Сколько еще новых открытий впереди, новых имен, сколько новых юных читателей с волнением будут брать в руки книжки и альбомы своего издательства! Но стареть Детгиз не будет никогда — ведь он издает книги для самых юных поколений, какие знает Земля.

Ю. НОВИКОВ

ДРУГ МОСКВИЧЕЙ

Группа сталеваров с московского завода «Серп и молот» приехала отдыхать в Кисловодск. И девушка из газетного киоска тут же услышала от них:

— Москвичи не смогут целый месяц без «Вечерки». Очень просим, оставляйте для нас ежедневно хотя бы один экземпляр на всех...

Да, москвичи привыкли к своей «Вечерке» — так называют читатели «Вечернюю Москву», называют дружески и уважительно. За полвека газета Московского городского комитета КПСС и Моссовета стала спутником, советчиком и другом нескольких поколений читателей. Они находят в ней разностороннюю информацию, газета живо и своеобразно откликается на самые насущные вопросы партийного строительства, экономики, морального воспитания.

Упомянем хотя бы беседы «Доброе имя москвича». Под этой рубрикой со своими земляками задушевно беседуют знатные рабочие столицы, старейшие коммунисты, деятели культуры и науки. Полюбились читателю и короткие литературные портреты правофланговых пятилетки, периодически помещаемые на первой полосе.

Перелистывая комплекты «Вечерки», окунаешься в динамическую и яркую летопись замечательных свершений москвичей за полвека.

...Строительство первого советского метро. Рабочее ополчение москвичей в самую тяжкую пору Великой Отечественной войны. Послевоенный трудовой подъем. Подхваченные всей страной почины московских новаторов производства. Помощь москвичей сельскому хозяйству. Москва — знаменосец мира. Повседневная и последовательная борьба за осуществление призыва Л. И. Брежнева о превращении Москвы в образцовый коммунистический город...

Широк авторский актив газеты. Нет, пожалуй, в Москве писателя, не выступившего на страницах «Вечерней Москвы». То же самое можно сказать и о деятелях искусства. Многие из них, например, лауреаты Ленинской премии выдающийся актер МХАТа Б. А. Смирнов и кинорежиссер Ю. Н. Озеров привлечены к редактированию на общественных началах некоторых разделов газеты.

В нашей стране увеличивается количество городских вечерних газет. В этом строю «Вечерняя Москва» по праву стала флагманом. Материалы из вечерних газет других советских городов помогают ей полнее и детальнее отображать жизнь нашей многонациональной Родины. Дружит московская «Вечерка» и с вечерними газетами столиц братских социалистических стран. Эта дружба находит отражение на страницах «Вечерней Москвы». Радушно встречает она гостей столицы. Газета рассказывает своим читателям и о председателе колхоза, Герое Социалистического Труда костромичке Прасковье Андреевне Малининой, и об общественных деятелях зарубежных стран, и о приезжающих в Москву из всех уголков нашей страны и земного шара театрах, ансамблях, солистах.

Крутой и требовательный разговор ведет газета с теми, кто своей расхлябанностью и аморальными поступками пятнает доброе имя москвича, кто мешает стремительной поступи советской столицы в прекрасное будущее.

Растет наша Москва, растут заботы многомиллионной семьи московских тружеников, растут и задачи московской прессы. У бесчисленных друзей газеты есть все основания надеяться на то, что вступающая во второе полустолетие их «Вечерка» станет еще более оперативной, по-большевистски наступательной.

Ц. СОЛОДАРЬ

Советские спортсменки Алла Засухина, Жанна Васюра, Людмила Качкалды, Наталья Говорухина, Наталья Лощинская и Галина Логвинова завоевали на чемпионате мира в Роттердаме командное первенство мира по художественной гимнастике. Галима Шугурова и болгарская гимнастка Мария Гигова вместе поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета, показав одинаковый результат в борьбе за абсолютное первенство. Кроме того, Галима Шугурова завоевала три малые золотые медали в упражнениях с булавами, с мячом и лентой, а Наталья Крашенинникова была во всех этих видах второй.

Это было четверть века назад. В 1947 году в Таллине состоялся первый Всесоюзный конкурс по художественной гимнастике, в котором приняли участие пять команд. Так был сделан первый шаг, точнее, не шаг, а робкий на пуантах шажок, а второй, уже более смелый и широкий, в следующем году на чемпионате страны, который собрал восемь команд, 140 гимнасток.

Новый вид спорта, соединивший в себе традиции русского классического балета, народного танца и культуру художественных движений, обретал все больше и больше поклонниц. И вот в 1963 году в Будапеште состоялся первый чемпионат мира.

Как и подобает законодательницам моды, наши девушки в Будапеште привлекли всеобщее внимание элегантностью стиля, самобытностью композиций и чистотой исполнения. Судьи откликнулись на это щедрыми баллами, и первой абсолютной чемпионкой мира стала советская спортсменка Людмила Савинкова, а рядом с ней на пьедестале почета заняли места ее подруги Эльвира Аверкович и Татьяна Кравченко, завоевавшие серебряную и бронзовую медали.

Художественная гимнастика, младшая сестра гимнастики спортивной, получила представительство в международной гимнастической федерации, и с тех пор было решено разыгрывать мировые первенства каждые два года. На следующем чемпионате в Праге соперницы подготовили сюрприз законодательницам гимнастической моды — советским спортсменкам. Хозяйкой помоста стала чехословацкая гимнастка Хана Мичехова, но спустя два года в Копенгагене золотая медаль снова досталась гимнастке Советского Союза, на этот раз шестнадцатилетней московской школьнице Елене Карпухиной, ученице известного тренера Марии Вартановны Лисициан. Так лидирующее положение снова заняла советская гимнастическая школа, но, увы, ненадолго: на четвертом мировом первенстве в Варне мы впервые увидели на ковре замечательную болгарскую спортсменку Марию Гигову, надолго захватившую лидерство.

ФЕСТИВАЛЬ

Мария Гигова положила основание новому динамическому стилю исполнения. В народном хореографическом искусстве Болгарии есть такой танец — «нестинарка». Так вот каскад взрывных, импульсивных, пронизанных стремительной экспрессией движений Марии Гиговой напоминает этот танец. Однако тем и прекрасен международный спортивный обмен, что новое, продемонстрированное одной спортсменкой, тут же поступает на вооружение ее соперниц, еще более совершенствуется, приобретает дополнительный блеск. Очень скоро манера исполнения Марии Гиговой была взята на вооружение сразу двумя советскими спортсменками — Галимой Шугуровой, девушкой из Омска, и астраханкой Аллой Засухиной. Им по душе оказались темпераментные, азартные композиции с большим количеством сложных высоких прыжков, и сейчас в репертуаре Галимы и шлягер из «Трехгрошовой оперы», и «Вальс» Равеля, и быстрая, азартная «Кармен-сюита», увенчанная алой лентой, и лирическая композиция с мячом. Такие упражнения продемонстрировала Галима Шугурова и на чемпионате мира в Роттердаме, и самые взыскательные арбитры были очарованы ее выступлениями, особенно упражнением с мячом, которое они оценили наивысшей оценкой — 9,9 балла!

Три малые золотые медали в отдельных видах программы завоевала Галима, но самого большого успеха добилась в многоборье, поделив первое место с Гиговой, которая до этого несколько лет подряд бессменно владела титулом абсолютной чемпионки мира.

Впервые в истории художественной гимнастики на высшую ступень пьедестала почета поднялись сразу две спортсменки.

Еще перед отъездом в Роттердам старший тренер сборной Советского Союза Валентина Батаен заявила журналистам, что наши гимнастки должны победить в зале «Ахой».

— Сколько же можно уступать соперницам,— сказала она,— особенно теперь, когда команда так прекрасно подготовлена и сочетает в себе мудрость опытных бойцов и задор молодежи!

Этот прогноз тренера полностью сбылся.

А. ЛЕВИНСОН

Галима Шугурова и Мария Гигова разделили высшую ступень пьедестала почета.

Мария Гигова прекрасно выполнила упражнение с лентой.

Галима Шугурова — чемпионка мира в упражнении с булавами.

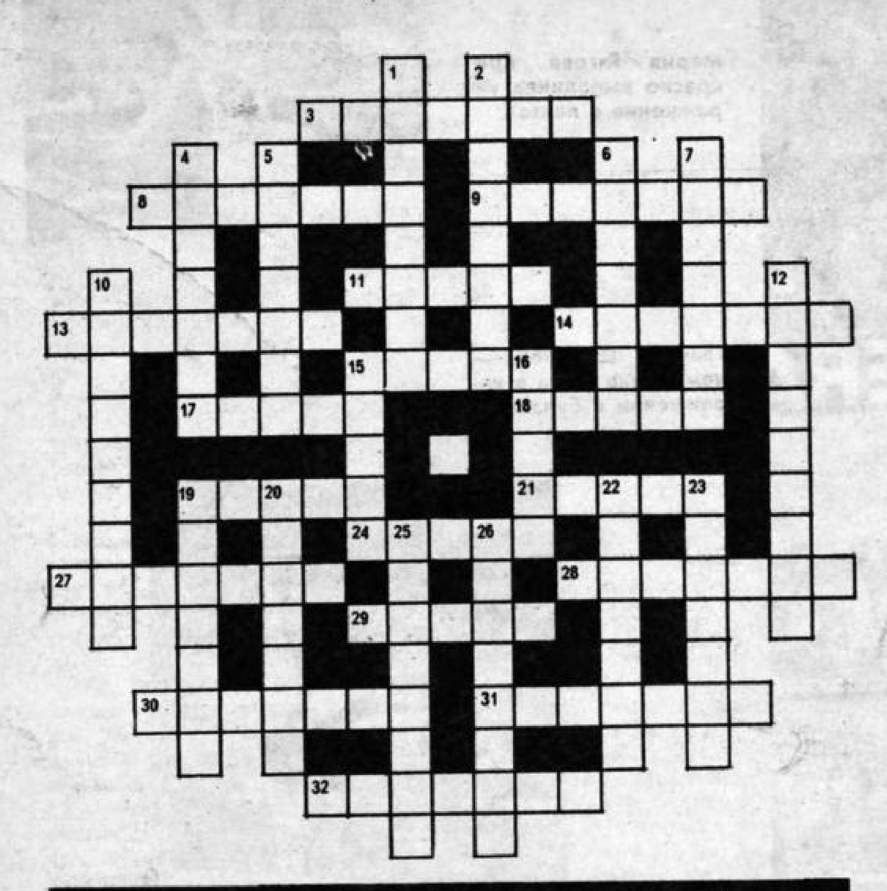

Одна из сильнейших гимнасток, Наталья Крашенинникова.

ИЗЯЩЕСТВА

Фото В. САФРОНОВА

Команда СССР выступает со скакалками.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Поэма А. С. Пушкина. 8. Вечнозеленое хвойное дерево. 9. Река на Урале. 11. Смесь материалов, подлежащих переработке в металлургических печах. 13. Пьеса М. Горького. 14. Спутник планеты Сатурн. 15. Питательный напиток. 17. Порода собак. 18. Цветок. 19. Гидротехническое сооружение. 21. Созвучие окончаний слов. 24. Объединение производственных предприятий определенной отрасли. 27. Строй в одну шеренгу. 28. Приманка для рыб. 29. Упрощенный чертеж. 30. Французский поэт-песенник. 31. Пушной зверек. 32. Окраина села.

По вертикали: 1. Гармоничность движений. 2. Полуостров в СССР. 4. Кондитерское изделие. 5. Обширное пространство суши, омываемое морями и океанами. 6. Город в Канаде. 7. Тригонометрическая функция. 10. Русский живописец-передвижник. 12. Щипковый инструмент. 15. Единица веса драгоценных камней. 16. Вид гравюры. 19. Вязаная кофта. 20. Советский скульптор, народный художник СССР. 22. Командующий соединениями кораблей. 23. Приток Суры. 25. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 26. Музыкальное произведение для оркестра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48.

По горизонтали: 5. «Кирилка». 7. Мята. 8. Канн. 9. Колонка. 12. «Казаки». 14. Франк. 16. Аккорд. 18. Жаворонок. 19. Писемский. 20. Калькутта. 21. Тимирязев. 22. Модель. 24. Наина. 26. Сократ. 30. «Разгром». 31. Иран. 32. Опал. 33. «Кочегар».

По вертикали: 1. Сказка. 2. Вискоза. 3. Баксан. 4. Амфора. 6. Снеток. 10. Карабанов. 11. Архипелаг. 13. Каракал. 14. Фронтон. 15. Клиника. 17. Комарно. 23. Есенин. 25. Ингулец. 27. Качели. 28 Гранка. 29. Импорт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дели, 26 ноября. Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл в Дели с официальным дружественным визитом по приглашению Премьер-Министра Индии Индиры Ганди. На снимке: во время встречи на аэродроме.

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И Н Д И Я. Индийские танцы. В н и з у: Река Ганг.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/XI-73 г. А 00160. Подп. к печ. 27/XI-73 г.
Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 2655. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1384.

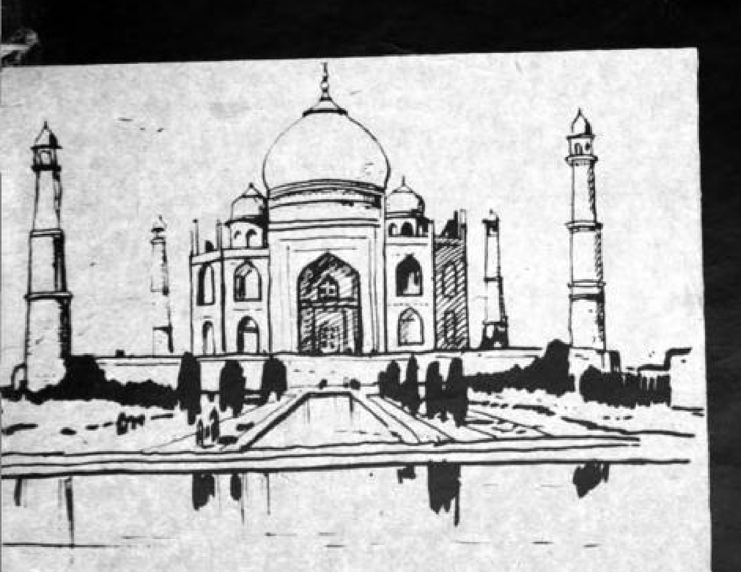
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ИНДИЙС

ЮНОСТЬ ИНДИИ

КИЕ ЭТЮДЫ

В середине ноября в Индии был в творческой командировке советский художник Илья ГЛАЗУНОВ. Мы публикуем несколько рисунков, сделанных им во время поездки.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663